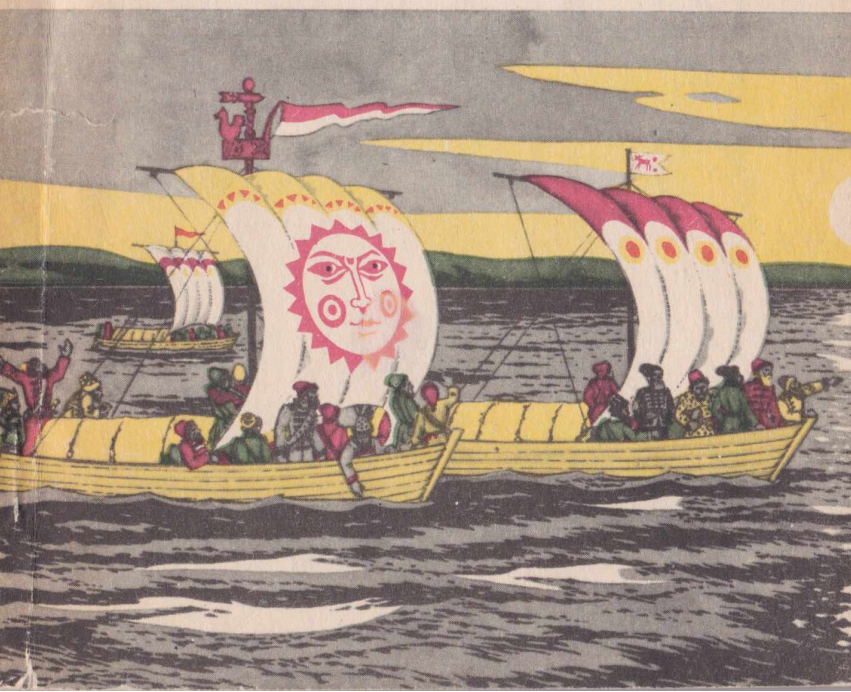

26.8ГДВ
С 21

Ф. Г. Сафронов

ЕРОФЕЙ ХАБАРОВ

Ерофей Хабаров

Рассказ
о судьбе русского
землепроходца

Ф. Г. Сафронов

ЕРОФЕЙ

26.87 II B

с 21

81

144979

ХАБАРОВ

Комсомольск н/А
 МУК ГЦБ
 Хабаровский край

178346

ХАБАРОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО • 1983

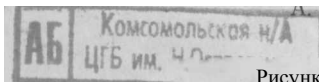
БИБЛИОТЕКА
 Дворца культуры и
 техники завода имени
 Ленинского комсомола

8-

ББК 26.8г
91(09)
С 21

Ответственный редактор
действительный член
Географического общества СССР
В. С. Ш Е В Ч Е Н К О

Рецензент
действительный член
Географического общества СССР
А. А. С Т Е П А Н О В

Рисунки на обложке
заслуженного художника РСФСР
Г. Д. П А В Л И Ш И Н А

Сафронов Ф. Г.

С 21 Ерофей Хабаров: Рассказ о судьбе русского
землепроходца, —Хабаровск: Кн. изд-во, 1983. —
112 с.

Второе, переработанное и дополненное издание научно-популярного очерка о путешествиях и свершениях выдающегося русского землепроходца Ерофея Павловича Хабарова.

Автор — заслуженный деятель науки РСФСР и заслуженный деятель науки ЯАССР, профессор, доктор исторических наук Федот Григорьевич Сафронов посвящает это издание 125-летию Хабаровска
Для самого широкого круга читателей.

С $\frac{1905020000-49}{M160(03)-83}$ 61-83

ББК 26.8г
91(09)

© Хабаровское книжное издательство, 1983

ПРЕДИСЛОВИЕ

Высоко вознес над Амуром свои белокаменные кварталы Хабаровск. Город рабочих и ученых, художников и поэтов, школьников и студентов весь устремлен в будущее, как и огромный край, центром которого он является. Но, обозревая контуры величественной перспективы, начертанной XXVI съездом КПСС, в день 125-летия со дня основания Хабаровска мы с удовлетворением видим, что у города-юбиляра есть не только большое будущее и славное настоящее. Прошлое Хабаровска стоит на фундаменте истории России столь же прочно, как его кварталы — на зеленых амурских холмах!

Нет, не основывал Хабаровск русский крестьянин-землепроходец Ерофей Павлович Хабаров, но город и край носят его имя. И это не случайно. Так народная память воздала должное одному из выдающихся деятелей эпохи великих русских географических открытий. За признание их подвига боролось не одно поколение передовых людей старой России.

«Англия, ломящаяся от тучности и избытка сил, выступает из берега, переplывает за океаны и создает новые миры, — писал, негодуя, А. И. Герцен. — Ей удивляются, и она заслуживает это удивление. Но так ли смотрят на подвиги колонизации Сибири, на ее почти бескровное завоевание? Горсть казаков и несколько сот бездомных мужиков перешли на свой страх океаны льда и снега, и везде, где оседали усталые кучки в мерзлых степях, забытых природой, закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами, и это от Перми до Тихого океана»¹.

¹ Герцен А. И., Сочинения, т. 6. СПб., 1905, с. 222.

Одним из этой когорты богатырей-первопроходцев и был помор-крестьянин Ерофей Павлович Хабаров, имя которого носят город Хабаровск и Хабаровский край, станция на Транссибирской магистрали и деревня в низовьях Киренги. Это благодаря его инициативе, труду, мужеству и настойчивости обширное и богатое Приамурье вошло в состав Русского государства еще в середине XVII века, а в долине Верхней Лены были подняты первые десятины целины и построены первые соляные варницы.

Да, и Иван Москвитин, и Василий Поярков, и Ерофей Хабаров, и Семен Дежнев, и Михаил Стадухин, и Владимир Атласов жили в очень сложное историческое время. Массовый героизм простых русских людей в годы яростной борьбы с вражескими нашествиями, грозившими самому существованию русской государственности, — и беспощадная эксплуатация трудового народа классом феодалов и самим позднефеодальным государством. Упрочение самодержавия и феодально-крепостнического строя — и грандиозные крестьянские войны, дважды сотрясавшие Россию в течение столетия. Рост национального самосознания — и тиски крепостнических и религиозных ограничений, деформировавшие свободное развитие личности...

Этими и другими непримиримыми противоречиями и резкими контрастами отмечена эпоха, и люди могли быть только такими, какими их сформировало время.

К сожалению, это не всегда понимали авторы, писавшие о Е. П. Хабарове¹. В работах, опубликованных до 1950-х годов, где отдельные стороны его деятельности подвергались специальному анализу, некоторые исследователи порой предвзято оценивали действия Хабарова и черты его характера, не учитывая всей сложности исторических обстоятельств. Кое-кто без достаточных оснований выставлял землепроходца жестокосердным человеком и едва ли не "грабителем".

В исторических трудах 20—30-х годов, в которых в той или иной связи упоминалось имя Хабарова, читатель не найдет и сколько-нибудь ясной постановки вопроса о прогрессивной стороне его

¹См.: Чулков И. П. Ерофей Павлов Хабаров, добытчик и прибыльщик XVII в. — «Русский архив», 1898, кн. 1.

деятельности¹. Объясняется это отчасти тем, что на упомянутых работах, безусловно, сказался тогдашний уровень развития нашей исторической науки.

За последние десятилетия советские ученые-историки создали немало интересных и полезных трудов по истории великих русских географических открытий, изданы также книги и брошюры, посвященные подвигам Семена Дежнева, Михаила Стадухина, Василия Бугора и других землепроходцев. Однако и поныне специальных исследований и тем более научно-популярных работ о жизни и деятельности Е. П. Хабарова мы почти не имеем.

Между тем в 50—80-е годы вышли в свет работы советских историков А. Л. Нарочницкого, С. Л. Тихвинского, М. И. Сладковского, В. И. Шункова, В. А. Александрова, М. И. Белова, И. Ф. Демидовой, П. И. Кабанова, Л. С. Капицы, А. Г. Кручинина, Г. В. Мелихова, В. С. Мясникова, Б. П. Полевого, Н. П. Рябова, М. Г. Штейна, П. Т. Яковлевой, В. С. Ясенева и других, в которых на основе марксистско-ленинской методологии получили научное освещение многие, прежде недостаточно изученные, страницы истории русского Дальнего Востока XVII века.

В трудах названных исследователей в результате изучения материалов маньчжурских и китайских исторических хроник, указов первых цинских императоров, свидетельств современников, русских дипломатических актов, опубликованных и архивных документов убедительно показана беспочвенность утверждений об «исторической принадлежности» земель советского Дальнего Востока Китаю. Опровергнуты также домыслы о якобы «утраченных и невозвращенных» районах Китая и версии о «вторжении» России на «китайскую территорию» в Приамурье и Приморье. Равным образом разоблачены попытки очернить доброе имя Ерофея Хабарова и других русских землепроходцев XVII века.

Подводя итоги многолетних исследований советских ученых-историков, В. А. Александров писал:

«Прежде всего признана первостепенная роль в присоедине-

¹ См.; Бахрушин С. В. Казаки на Амуре. Л., 1925; он же. Военно-промышленные экспедиции торговых людей в Сибири в XVII веке. — «Исторические записки». 1941, т. 10.

НИИ Сибири к России (с конца XVI в. и на протяжении XVII в), мирного ее заселения стихийным потоком русских, преимущественно поморских переселенцев; далее выяснилось, что принесенное русскими и неизвестное ранее сибирским народам пашенное земледелие стало ведущей отраслью хозяйства, обусловившей в дальнейшем экономическое развитие Сибири; наконец, вхождение Сибири в состав России повлекло за собой распространение и упрочение в Сибири новых, более передовых для того времени социально-экономических отношений, свойственных позднефеодальному Русскому государству. Сибирь становилась его органической частью, и процесс ее развития определялся общими для него закономерностями»¹.

Эти и другие достижения советской исторической науки позволяют полнее и в ряде случаев по-новому осветить жизнь и деятельность Ерофея Павловича Хабарова. В связи с 125-летием Хабаровска возникла необходимость вернуться к моей брошюре «Ерофей Павлович Хабаров», вышедшей в свет в Хабаровске в 1956 году, и существенно ее переработать и дополнить, что и сделано в настоящем издании. На этот раз больше внимания уделено амурским походам землепроходца и последнему периоду его жизни. Кроме того, в очерке использованы новые документы, выявленные нами в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА). Некоторые из них публикуются в Приложении к книге. Думается, они заинтересуют не только дальневосточных краеведов, журналистов и писателей, но и ученых-историков. Мы также включили в состав Приложения заметку А. А. Степанова «Как был найден Ачанский город В. П. Хабарова» и несколько документов, опубликованных В. С. Мясниковым, Н. Ф. Демидовой и Б. П. Полевым.

В заключение считаю своим долгом отметить ценный вклад В. С. Шевченко в издание этой работы. Как и в 1956 году, автор искренне признателен А. А. Степанову за конструктивные предложения и пожелания.

¹ Александров В. А. Особенности феодального порядка в Сибири (XVII в.). — «Вопросы истории», 1973, № 8, с. 39.

РОДИНА ЕРОФЕЯ ХАБАРОВА

Родиной Ерофея Павловича Хабарова было Поморье — суровый северный край, населенный смелыми, предприимчивыми людьми, в равной мере знавшими толк и в земледелии, и в мореходстве, и в зверобойном и пушном промыслах, и в ремесленном производстве, и в торговле. «Черносошные» поморские волости и в условиях укрепления феодально-крепостнического строя в России XVII века сохраняли за крестьянами ряд прав, главными из которых были отсутствие личной зависимости от помещика, право сдачи «тягла» (т. е. совокупности повинностей в пользу позднефеодального государства) и возможность передвижения и освоения новых земель, фактическое утверждение подворно-потомственного землепользования и т. д. И хотя государственные крестьяне, к которым относилось население «черносошных» волостей Севера Руси, испытывали на себе все возрастающий гнет феодального государства, им не были свойственны психология смирения и покорности судьбе, пассивность.

Бурные события начала XVII века, вследствие которых пришли в упадок многие центральные уезды Русского государства, меньше коснулись Поморья, и тем более не могли отразиться па нем разбойничьи набеги крымских татар, опустошавшие южные районы России.

Все эти факторы способствовали притоку беглых крестьян в Поморье, а рост населения в долинах северных рек, бедных пашенными угодьями, сопровождался развитием городов, промыслов и ремесел.

и вот в этом краю деятельных, свободолюбивых людей и появился на свет крестьянский сын Ерофей Павлович Хабаров. Произошло это, как принято полагать (см. БСЭ, изд. 3-е, т. 28, с. 135), около 1610 года, однако вопрос о дате рождения будущего землепроходца нельзя считать решенным из-за отсутствия необходимых документов¹. На основании косвенных данных (год первой поездки в Сибирь — 1628-й, служба «целовальником» в Хетском зимовье на Таймыре и в особенности челобитные последних лет жизни) нам представляется более вероятной другая дата — между 1601 и 1605 годом.

До последнего времени было также неясно, из какого конкретно района (уезда, деревни) Северной Руси происходил Ерофей Павлович Хабаров. В разных документах он себя называл то устюжанином, то сольвыгодцем.

Вопрос несколько прояснился лет восемь назад. Исследователь М. И. Белов в начале 1970-х годов во время просмотра фондов ЦГАДА обнаружил дело Мангазейской приказной избы за 1630—1631 годы, в котором довольно часто встречается фамилия Хабаровых². Выяснилось, что до первой поездки в Сибирь Е. Хабаров проживал в деревне Дмитриево Вотложенского стана Устюжского уезда, примерно в 80 километрах к юго-западу от Великого Устюга, на левом берегу реки Сухоны, а его отец Павел Хабаров с сыном Никифором — в деревне Ленивицы Сольвыгодского уезда, тоже недалеко от Устюга Великого. В первой деревне в сере-

¹ Если Хабаров родился в 1610 году, то как он мог отправиться в Мангазею в 1628 году, имея от роду всего лишь 18 лет? А ведь он еще подписал и «кабальные грамоты». Ясно, что находился он в это время в более зрелом возрасте. На это обстоятельство обратил наше внимание А. А. Степанов.

² См.: Белов М. И. Ерофеи Хабаров в Мангазее и на Таймыре. — «Летопись Севера», вып. VII. М., 1975, с. 107—112.

дине 20-х годов XVII века насчитывалось 25 крестьянских дворов.

Внимательно изучив эти данные и сопоставив их с другими сведениями, М. И. Белов пришел к выводу, что «на данном этапе изучения вопроса предпочтительнее считать деревню Дмитриево родиной Ерофея Хабарова»¹.

Деревня эта существует и ныне: она входит в состав Мюксенского района Вологодской области.

Устюжский уезд с городом Устюгом Великим в XVII веке занимал исключительно выгодное географическое положение. Через него пролегали основные пути сообщения Европейской России с Сибирью. Путь в Зауралье через Коломну, Рязань, Касимов, Муром, Нижний Новгород, Козьмодемьянск, Казань, Тетюши, Соликамск не имел существенного экономического значения, и пользовались им очень редко. Главная же магистраль, которой отдали предпочтение правительство, купечество и промышленные люди в своих сношениях с Сибирью, проходила через Троице-Сергиев монастырь, Переяславль, Ростов, Ярославль, Вологду, Тотму, Устюг Великий, Сольвычегодск, Кайгородок и Соликамск. С другой стороны. Устюжский уезд пересекали и пути сообщения всей московской земли с Архангельским портом на устье Северной Двины. Таким образом, в Устюге Великом в XVII веке скрещивались торговые пути нескольких направлений.

Город Архангельск являлся тогда единственным морским торговым портом Русского государства, связывавшим его с европейскими странами. Сюда ежегодно прибывало множество иностранных судов с разнообразными изделиями европейского мануфактурного производства. О быстром росте торговых связей Русского госу-

¹ Там же, с. 109.

дарства с западными странами свидетельствует неуклонное возрастание числа заходов в Архангельск голландских, английских и шведских кораблей. Если в 1600 году в этот порт прибыло 21 судно, а в 1618 году — 43, то в 1658 году — уже 80 судов, нагруженных европейскими винами, пряностями, дорогими тканями, зеркалами, картинами, металлическими изделиями и прочими предметами широкого потребления. Ежегодно осенью в городе происходили ярмарки, снискавшие громкую славу на Руси. Для оптовой закупки иностранных товаров в Архангельск съезжалось множество русских купцов — привилегированных «гостей», торговых людей «гостиной» и «суконной» сотен, рядовых торговцев, занимавшихся скупкой и перепродажей товаров.

«Заморские гости» покупали все; пеньку, лес, смолу, деготь, поташ, юфть и холст, а также хлеб. Но, однако, самой выгодной статьей экспорта являлись дорогие сибирские меха — соболи, лисицы, белки и т. д., пользовавшиеся огромным спросом у европейских купцов. Вся масса заморских товаров, полученных русскими купцами, доставлялась затем ими по воде и сухопутью во внутренние районы страны для реализации на местных рынках и торжках. Десятки и сотни обозов отправлялись ежегодно и в сибирские города.

Город Устюг Великий с прилегающей к нему территорией находился как раз на самых оживленных торговых «росстанях». Здесь на дощаники перегружались товары, приплавленные по северным рекам, и шли дальше, в Архангельск. И здесь же, в Великом Устюге, складировались доставленные из Архангельска заморские товары, прежде чем растечься отсюда по разным направлениям. И не удивительно, что Великий Устюг в XVII веке считался одним из самых богатых городов Русского государства.

Это, конечно, был не только транзитный пункт. В са-

мом городе, вставшем на перепутье между рынками Запада и Востока, также велась обширная торговля хлебом и металлическими изделиями. Каждый третий городской ремесленник был занят изготовлением кос, топоров, ножей, серпов, подков, всевозможных замков. С любопытством вглядывались, вслушивались в шумную жизнь города заморские купцы, подолгу гостившие и Устюге Великом и жадно ловившие слухи о далекой и сказочно богатой Сибири.

И сами сибиряки нередко появлялись на постоянных дворах и в торговых рядах Устюга Великого. В своем большинстве это были те же крестьяне-поморы, что и жители Устюжского уезда.

Тысячи их ежегодно покидали родные деревни и отбывали в Сибирь в расчете на выгодную торговлю с местными племенами и на богатый соболиный промысел. Вплоть до второй половины 30-х годов XVII века рубль, вложенный в пушной промысел в морозной Мангазее, приносил удачливому охотнику-промышленнику 32 рубля прибыли¹. И хотя к этому времени, когда был закрыт Мангазейский морской ход, львиная доля прибыли доставалась семи «царским гостям» — Надею Светешникову, Осипу Елизову, Василию Гусельникову, Петру Унбину, Кириллу Босому, Исаку Ревякину, Иохиму Юсозу, а рядовой крестьянин или посадский мог рассчитывать лишь на скромную долю пая в их промысловых артелях, все же неодолимая сила влекла массу людей за «Камень», как тогда называли Урал. Среди них находилось немало и уроженцев Устюжны, расположенной на перекрестке широких торговых путей и как бы электризуемой энергией мощного людского потока, катившегося в Сибирь и из Сибири.

Это была эпоха, когда начинался новый период рус-

¹ Белов М. И. Мангазее. Л., 1969, с. 73.

ской истории, ознаменовавшийся «действительно фактическим слиянием всех... областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было... усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных»¹.

В торговлю вовлекались не только «лутчие» и «средние» люди посада, по и состоятельные крестьяне. И это не удивительно. В XVII веке, в связи с развитием товарно-денежных отношений в стране, приведшим к постепенному формированию всероссийского рынка, из общей массы крестьян выделилась особая группа «торговых людей» — купцов средней руки. Причем эти землепашцы принадлежали к самым разным разрядам. Одни из них были «черносошными» (государственными) крестьянами, другие числились закрепленными за частновладельческими хозяйствами (боярско-помещичьими, патриаршими, епископскими, монастырскими). Одновременно в среде крестьянства, в связи с усилением феодально-крепостнического гнета, активизировались процессы социального расслоения. Все больше становилось бобылей, захребетников, подсосудников, половников, а в «черносошных» волостях — еще и массы так называемых «гулящих людей».

Детство и юность Ерофея Павловича Хабарова, коренного помора, проходили в атмосфере небывалого прежде экономического подъема Устюжны, общего оживления и все обостряющихся социальных антагонизмов. Молодого крестьянского парня, наверное, волновали примеры сравнительно быстрого перехода некото-

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 1, с. 153—154.

рой части «черносошных» крестьян Поморья в разряд торговых людей, самые богатые из которых иногда даже получали путем пожалования высокое и почетное звание привилегированных «царских гостей», торговых людей «гостиной» и «суконной» сотен. К числу таких счастливых, вышедших из рядовых крестьян Устюжны, относились, например, знаменитые Босые, Ревякины, Грудцыны, слывшие едва ли не самыми богатыми людьми на Руси¹.

Характерно, что они, как и многие другие торговые люди Поморья, разбогатели благодаря сибирским промыслам и архангельским торгам. Сибири же была обязана своим возвышением и семья устюжского крестьянина Федота Минина Гусельникова, проживавшего в 20-х годах XVII века в деревне Омеляновской Комарицкой волости. Он имел четырех сыновей, из которых двое — Василий и Афанасий — впоследствии стали «гостями». В 20—40-х годах братья часто наезжали в Сибирь, добираясь до самых отдаленных ее уголков — Мангазеи и Лены.

Вначале они подряжались к богатым московским купцам и, доставляя их товары в Сибирь для продажи, заодно вкладывали хозяйский капитал в организацию соболиного промысла. Затем Гусельниковы стали ввозить за «Камень» и собственные товары — всевозможные промышленные изделия и хлеб, а в их промысловых артелях с каждым годом трудилось все больше покрученников.

Получая ежегодно из Сибири огромное количество шкурок соболей, бобров и другой пушнины, Гусельниковы с немалой выгодой продавали меха иностранным и русским купцам и в итоге нажили большое состояние.

Московское правительство учло влияние и авторитет

¹ См.; Бахрушин С. В. Научные труды, т. 2. М., 1954, с. 224-255.

братьев и включило их в состав «гостиной сотни», время от времени поручая им исполнение обязанностей таможенных голов в разных городах.

Это приказчик гостя Василия Усова Федот Алексеев Попов вместе с приказчиками Василия Гусельникова участвовал в знаменитой экспедиции Семена Дежнева, в 1648 году впервые обогнувшего Чукотский мыс, а перед этим он промышлял и торговал на реке Оленек, откуда перебрался на Яну, Индигирку и Алазею, а в 1647 году — на Колыму. Предприимчивый торговец, раздосадованный тем, что его везде опережали конкуренты, решил плыть на неведомую реку Погычу, с тем, чтобы сбыть там, наконец, с выгодой свои товары. Погибли его кочи, погиб сам он в земле коряков от цинги, но в истории великих русских географических открытий его имя стоит рядом с именем казака-первопроходца Семена Дежнева.

Русского купца XVII века нельзя отождествлять с ограниченным и вульгарным буржуа более позднего времени. «Рост торговли в XVII в., приводивший к преодолению экономической замкнутости отдельных районов, вместе с тем подрывал их культурную обособленность, — пишут авторы «Очерков русской культуры XVII века», удостоенные Государственной премии СССР за 1982 год. — Значение торговли в развитии культуры России XVII в. выражалось прежде всего в том, что она была одним из средств распространения культурных ценностей, установления культурных связей и взаимного творческого обогащения. Видная роль в этом процессе принадлежала купцам...»¹

Не случайно наблюдательные иностранцы оставили свидетельства о том, что «страсть к торговле» едва ли не самая характерная черта москвитов, которые «от

¹ Очерки русской культуры XVII века, ч. 1. М., 1979, с. 143.

самого знатного до самого простого любят купечество»¹. Однако эта «любовь» не препятствовала «самым простым» предъявлять счет «гостям» в дни грозных народных восстаний...

И молодой Хабаров, возможно, размышлял: принадлежность к крестьянскому сословию вовсе не преграда к тому, чтобы, служа России, прославить свое имя и возвыситься. Но для этого нужно приобщиться к сибирским промыслам и торгам с их баснословными прибылями.

Итак, Сибирь, о которой завлекающе повествовало сказание «О человецах незнаемых на Восточной стране», составленное в XV веке в Новгороде Великом и ходившее издавна в списках по поморским деревням: «В той же стране, за теми же людьми, над тем же морем иная самоядь такова: вверху рты, рот на темени, а не говорят... А коли едят и они крашат мясо и рыбу да кладут под калпаки или под шапку, а как почнут ести, и они плечимо движуть вверх и вниз...» Но в этом бесхитростном повествовании содержались сведения о Мангазее и даже о «Линной самояди»² — племенах, населявших бассейн Лены!

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА В „ЗАКАМЕННУЮ СТРАНУ“

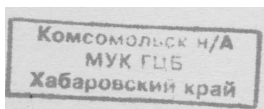

Русскому человеку в XVII веке приходилось преодолевать огромные, зачастую самые непредвиденные трудности, чтобы попасть в Сибирь, эту холодную «полунощную страну». Служилые, торговые, промышленные и «гулящие» люди

двигались туда двумя исторически сложившимися вод-

¹ Там же, с. 133.

² Белов М. И. Мангазея, с; -21.

ными путями — Печорско-«Чрезкаменным» и Камско-Верхотурским.

Первый из них — наиболее древний, был известен еще новгородцам. Шел он от Великого Устюга вверх по реке Вычегде и по ее притоку Вымь, далее по притоку Выми Тетере и по Говнюхе. Здесь начинался волок, ведущий на Ухту, а далее по Ижме следовал спуск в Печору. Таков был путь, соединявший бассейны двух больших рек Европейского Севера — Северной Двины и Печоры. Путь за «Камень» вел отсюда по Печоре вверх, а далее продолжался по ее притоку Усе. Из Усы попадали в Сось и, наконец, поднимаясь по последней, — по 15 ее притоку Елец, верховья которого близко подходили к Уральским горам. Лодки и поклажу приходилось перетаскивать через горы, что требовало чрезвычайных усилий. Перевалив через Урал, путешественники оказывались в верховьях другой, уже сибирской Соби и по ней сплывали вниз к устью Оби — одной из величайших рек Сибири.

Для перехода через Урал кроме Усы с ее притоками и Соби пользовались еще и другим притоком Печоры — Щугором. С его верховьев начинался «каменный волок», преодолев который спускались в реку Сыгву, а из нее через Киртас и Сосьву в Обь.

Печорско-«Чрезкаменным» путем ходили преимущественно летом. Товары перевозились в «малых суднях» — обласах, которые мало чем отличались от обыкновенных лодок, хотя и были оснащены парусами. Берега очень тесных, узких и мелководных речек были безлюдными, пустынными, и все это затрудняло передвижение. Но особенно тяжелым считался перевал через горные цепи Урала, вершины которых, как тогда писали, «в облаках не видети, а коли ветрено, ино облака раздирает». Зимний переход через Урал был почти невозможен из-за «великих» снегов и ветров. Хребет в та-

кую пору преодолевали лишь изредка, в виде исключения, на оленях и собаках.

Движение по Печорско-«Чрезкаменному» пути занимало в среднем около 100 дней, т. е. более трех месяцев. Но, однако, чтобы добраться до «собольих» мест, в частности до Мангазеи, славившейся в первой трети XVII века богатыми промыслами, требовалось совершить еще не менее трудное путешествие морем. Мангазейский морской ход, еще в незапамятные времена освоенный поморами, в 1620 году был закрыт царским правительством, и в дальнейшем под этим названием подразумевался путь из устья Оби до Тазовской губы — «Мангазейского моря». Из Тазовской губы входили в устье реки Таз и поднимались до устья реки Мангазейки, где стоял город-крепость Мангазея.

Можно было попасть в Мангазею и южным путем, хотя по сравнению с северным он считался более долгим и кружным. Однако путешественники не зависели здесь от капризов погоды в такой мере, как на море, и не подвергались большому риску. Поднявшись с низовьев Оби до ее среднего течения, они входили в Сургут и по притокам последнего Кеть и Вах добирались до волока, с которого спускались в Енисей и далее до Турухана. С верховьев Турухана по волоку переходили в бассейн Таза и спускались вниз до Мангазеи.

Несмотря на все неудобства и трудности, Печорско-«Чрезкаменный» путь в XVII веке оставался большой дорогой, связывавшей Поморье с Сибирью. По нему передвигались главным образом торговые и промышленные люди. Много ли народа проникало таким образом в Сибирь? Судите сами: в первой половине XVII века через таможенные заставы проходило за год нередко до тысячи человек.

Для официальных же сношений правительства с сибирскими городами служил так называемый Верхотур-

ский тракт, бравший свое начало с притока Камы Косью Сперва путники поднимались по Косью, затем по ее притоку Кырье. Затем, перевалив Уральский хребет, попадали в верховья одного из притоков реки Туры, впадающей в Тобол, который несет свои воды в Иртыш. Вниз по Иртышу спускались в Обь. Этим путем ездили главным образом зимою, в расчете поспеть к вскрытию сибирских рек и плыть далее по воде. Верхотурская государственная дорога, проходившая значительно южнее Печорско-«Чрезкаменного» пути, считалась менее трудной и опасной, хотя и более протяженной. Поэтому ею часто пользовались торговые, промышленные и «гуляющие» люди из Поморья и других областей Русского государства. Причем движение их по этой дороге было даже более значительным, чем по северной Печорской. Верхотурская застава, расположенная в верховьях Туры, иногда за год отмечала до нескольких тысяч промышленных и торговых людей.

Путешественники, выходящие в среднее течение Оби по Верхотурскому тракту, двигались далее в Мангазею и на Енисей одним из уже известных нам водных маршрутов: северным — по Оби и морю, южным — по Сургуту, Кети и Ваху.

Таковы были важнейшие пути в Сибирь в XVII веке, по которым из года в год шли и шли тысячи людей в поисках лучшей доли. Многие из них гибли от болезней, голода, в схватках с разбушевавшейся стихией или в стычках с «незамирными» еще кое-где сибирскими аборигенами. Другие, а таких было большинство, выходили победителями в борьбе, которую без натяжек можно назвать героической, и шли дальше до тех пор, пока не достигали цели.

Это были не только промышленники и торговцы. Большинство составляли разного рода «гуляющие люди», покинувшие родные места в надежде избавиться от

тяжелого феодально-крепостнического гнета и обрести во вновь открытых местах волю. Всем им — людям разного возраста и звания — Сибирь казалась неисчерпаемо богатой. Всем им хорошо было известно древнее предание, гласившее, будто бы в стране этой из одной тучи падали «веверицы (белки) млады, акы теперво рожены» и тысячами разбегались по земле, давая бесчисленное потомство, а из другой выскакивали «оленцы малы», заполняя все леса.

Будущий землепроходец Ерофей Павлович Хабаров также являлся одним из тех, кто связал свои надежды с «полуночною староною». В Сибири, о богатствах которой слагались легенды и ходили самые невероятные слухи, он мечтал найти свое большое счастье. Трудности пути, огромные расстояния, «хлад и мраз» его не пугали.

Какие далеко идущие замыслы вынашивались, должно быть, в добротном сложенном поморском крестьянском доме! И вот зимой 1628 года семья Хабаровых пришла в движение. Ерофея и его брата Никифора позвала в дальний путь Мангазея, которую на Руси называли не иначе, как «златокипящая государева вотчина». Еще бы! В первую треть XVII века через Мангазейскую таможенную ежегодно проходило столько шкурок соболей, что их стоимость равнялась годовым доходам царского двора.

Знал Ерофей, что центром этой земли являлся Мангазейский город, за пятибашенными стенами которого сверкали купола патрональной святыни — соборной Троицкой церкви. За острогом, ближе к реке Осетровке, стоял посад, где размещались гостиный двор, дворы посадских и служилых людей и где находилась Успенская церковь.

Расспрашивая бывалых земляков, прознали братья о том, что оживала Мангазея осенью, в конце августа

и начале сентября, когда сюда прибывал из Тобольска караван кочей с торговыми, промышленными и служилыми людьми, весной — в марте и апреле, когда охотники возвращались с промыслов, и летом — в июле, в пору возвращения на Русь.

Не являлось для Ерофея и Никифора Хабаровых секретом и то, что соболь в бассейне реки Таз к 1627 году был уже истреблен. За драгоценным мехом охотники шли дальше — на реку Турухан, а с Турухана — в глубь Пясида, т. е. средней части Таймыра, в бассейны Нижней и Подкаменной Тунгусок.

И все же еще в 30-е годы XVII века через Мангазею проходило туда и обратно по тысяче и более человек, соболиных мехов вывозилось временами от 34 тысяч до 87 210 шкурок в год¹.

Собрав необходимые сведения о дальнем и нелегком пути, Ерофей и Никифор Хабаровы решили ехать «своими подъемами». Однако, стремясь избежать непредвиденных ситуаций, подписали «кабальные грамоты» и привлекли дополнительные средства на покупку снаряжения, продовольствия и небольшого запаса «товаренка» для мены с «иноверцами».

И вот остались далеко позади родные деревни, из Устюга Великого дорога странствий привела братьев в Соликамск, а затем по Бабиновскому тракту в Верхотурье и Тобольск. Здесь они наняли пять покрученников и примкнули к большому каравану кочей, во главе которого шли новые мангазейские воеводы Г. И. Кокорев и А. Ф. Палицын. Вместе со всеми пересекли бурные Обскую и Тазовскую губы. Затем, поднявшись по реке Таз, как обычно было заведено, перезимовали

¹См.; Бахрушин С. В. Мангазейская мирская община в XVII в. — Научные труды, т. 3, ч. 1. М., 1955, с. 299; о н ж е. Легенда о Василии Мангазейском. — Там же, с. 334; Белов М. И. Мангазея, с. 73.

в Мангазее. С наступлением весны братья по Енисейскому волоку дошли до Туруханска (с Таза поднялись по Худосее или Покульке, потом волоком перешли к Баихе, по которой спустились в реку Турухан). От Туруханска, стоявшего в 20 километрах выше устья Турухана, преодолев все препятствия, сплыли в Енисей и дальше морем прошли в устье Пясины, откуда волоком перебрались на реку Хету, впадающую в Хатангский залив. На этой реке стояло Хетское зимовье, куда Хабаровы прибыли летом 1629 года. Здесь в таможенной избе Ерофей стал служить «целовальником» по сбору десятинной пошлины с торговых и промышленных людей, как он договорился об этом еще в Мангазейском городе. А Никифор с покрученниками отправился в «нехоженные земли»: в южную и среднюю части Таймырского полуострова, где, по слухам, водилось множество пушных зверей.

Весной 1630 года Хабаровы возвратились в Мангазею, а оттуда летом по морскому же ходу и по Оби — в Тобольск. Прибыли домой в конце 1630 или начале 1631 года. Затем в январе 1631 года Ерофей поехал в Москву и в приказе Казанского дворца, ведавшего в то время делами Сибири, подал челобитную на мангазейского воеводу Григория Кокорева, обвинив его в грабеже торговых и промышленных людей, в незаконной продаже вина, пива и меда, в незаконном содержании кабаков, в мздоимстве и т. д. От имени мангазейского мира он просил царя принять меры с тем, «чтобы... мангазейская земля вконец не запустела».

Дело в том, что на обратном пути с Таймыра Хабаров стал свидетелем грандиозной ссоры между мангазейскими воеводами Григорием Ивановичем Кокоревым и Андреем Федоровичем Палицыным. Их столкновение завершилось весной 1631 года открытыми военными действиями обеих сторон. В этой «мангазейской смуте»

Ерофен Хабаров примкнул к сторонникам А. Ф. Палицына и стал одним из организаторов выступления торговых и промышленных людей против Г. И. Кокорева, чем и объясняется его поездка в Москву¹.

Хабаровы, вероятно, вернулись домой с немалыми «добытками», и если это так, то первая поездка братьев за «Камень» принесла им удачу. И вот уже в домашнем кругу зрели новые дерзкие замыслы. Сибирь заколдовала начинающих землепроходцев и снова манила их. Как раз в это время Русь облетела весть об открытии «великой реки Лены», где, по рассказам, «соболей и всякого иного зверя» водилось «видимо-невидимо». Было ясно, что вновь открытая страна обещала стать второй Мангазеей.

В этот край Ерофей Павлович Хабаров, уже отец семейства, зрелый муж, отправился немедленно—в 1632 году. Подвиги, большие и малые, ожидали его там. Великий Устюг выдвинул еще одного смелого, отважного проводывателя земель, и в скором будущем к именам первопроходцев-устюжан Семена Дежнева и Михаила Стадухина прибавится еще одно громкое имя.

ЛЕНСКИЙ ЖИТЕЛЬ

Первые, весьма заманчивые сведения о «великой реке Лене» сибирские казаки получили от илимских тунгусов вскоре после основания Енисейского острога (острог этот был поставлен в 1619 году). Тунгусы сказывали, что «де та пека великая..., а ходят де тою рекою суды большие, а коло-

¹См.: Бахрушин С. В. Мангазейская мирская община, с. 316—325; Белов М. И. Ерофей Хабаров в Мангазее и на Таймыре, с. 110—112.

колы де на них великие есть, и звон де они слышат часто, и из пушек де с тех больших судов стреляют; а какие люди, и которых вер, и из которых земель или государств в которые земли и в государства ходят, и с какими товарами, или воинские люди, того они не ведают... А вода де в той великой реке солона, а что де в нее не кинешь, и из нее де мечет вон на берег. Да на той же великой реке есть острог, а на берегу ль де он у той большой реки стоит или на острове, и какие в нем люди или сидячие живут и много ль их и воинские ль люди, того де они не ведают»¹.

Фантастические детали этой любопытной «скаска», остроумно придуманные тунгусами, вероятно, с целью удержать казаков от дальнейшего похода на восток, несколько не испугали тех. Напротив, «великая река Лена» была открыта уже в первой половине 20-х годов XVII века. Честь этого замечательного географического открытия выпала на долю рядового промышленника Пантелея Демидовича Пянды. Он с группой промышленников поднялся по Нижней Тунгуске и, попав через Чечуйский волок на Лену, побывал даже в районе будущего города Якутска. Эта экспедиция, проходившая в сложнейших условиях тайги и бездорожья, продолжалась 4—5 лет².

Так произошло открытие огромного края, продвигаясь по которому русские выйдут и к побережью Тихого океана, и на Амур, и на Северо-Восток Азии. Пантелей Пянда проторил дорогу, и вскоре по ней двинулись казаки, промышленники и торговые люди, объединен-

¹ Русская историческая библиотека (РИБ), т. 2. СПб., 1875, с. 373—375.

²Инициалы Пянды впервые документально установлены Б. П. Полевым (см.; Полевой Е. П. Новое о Пянде. — В кн.: Материалы по истории Сибири: Сибирь периода феодализма, вып. 2. Новосибирск, 1965, с. 283—284).

ные общей целью «учинить государю многая и большая прибыль» и не забывавшие в то же время и о собственных интересах. Этот людской поток, хлынувший вниз по Лене, быстро достиг ее устья, а затем растекся по многочисленным притокам.

Своеобразное комплексное изучение ленской «землицы» шло так быстро, что уже в 1633 году мангазейский воевода Андрей Федорович Палицын смог сообщить приказу Казанского дворца в Москве много новых подробных сведений о бассейне реки Лены. В поданных им «чертеже» и «росписи» воевода излагал подробное описание маршрута на Лену, приводил названия и местобитания племен, населявших ее бассейн, перечислял ленские притоки и ресурсы восточносибирской тайги. По его словам, «та великая река Лена угодна и пространна, и люди по ней розных землиц кочевных и сидячих, и соболей и иного всякого зверя много; и как де на ту великую реку Лену укажет государь послати сибирских людей с лишком и велит поставить город или остроги, где пригоже, и велит по той великой реке Лене и по иным рекам новых землиц людей приводити под свою государеву цареву высокую руку и на себя, государя, с них сбирати ясак, и государеве казне в том будет большая прибыль и будет та Лена река другая Мангазея»¹.

Московское правительство, занятое в то время «строением» вновь открытых в Сибири земель, восприняло это известие с огромным интересом. Око сразу же включило Якутию в состав Енисейского уезда, в бассейне Лены стали возводиться остроги, острожки и ясачные зимовья. Среди них главным являлся Якутский острог, поставленный в 1632 году енисейским казачьим сотником Петром Бекетовым.

¹ РИБ, т. 2, с. 960—961.

Одновременно с правительственной колонизацией энергично шла и народная. В страну, где было несметное число соболей, лисиц, бобров и горностаев и где, по словам первых «проведывальщиков», местное население «в соболях и во всякой дорогой мягкой рухляди цены не знало», явилось множество промышленников и купцов. Через Якутский острог, ставший своего рода «воротами» на Северо-Восток Азии, ежегодно проходили на промыслы и обратно свыше тысячи человек.

Были среди них и Хабаровы — Ерофей Павлович с братом Никифором и племянником Артемием Филипповым, добравшиеся до Лены в 1632 году. Дома, в Устюжне, Ерофей Павлович оставил жену Василису, дочь Анастасию и, кроме того, племянницу, находившихся на его иждивении. Оставив их, как потом он сам признавался, «без приюту», Хабаров, окончательно осел на Лене. Так устюжский крестьянин стал ленским жителем¹.

Первые шесть-семь лет Ерофей Хабаров часто переходил с одного места на другое. Он побывал всюду: с верховьев Лены спускался до ее среднего течения, плавал по ее большим и малым притокам. Ему были знакомы и районы устьев Куты и Чечуя, и бассейны рек Киренги, Витима, Олекмы, Алдана и множества мелких притоков Лены. Тайга, раскинувшаяся на огромных пространствах Ленского края, была исхожена им и его спутниками вдоль и поперек. Передвигаясь пешком, на лыжах, верхом на лошадях и оленях, Хабаровы в течение многих лет не знали уюта домашнего очага. Суровую зимнюю пору они проводили в наскоро поставленных зимовьях и шалашах, а нередко им, застигнутым ночью в тайге, приходилось спать прямо на снегу.

¹См.: Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), Сибирский приказ, стб. 381, л. 92.

проникая в глубь дремучих лесов, где не было населения, они часто голодали и ели «всякую скверну». Много, очень много лишений выпадало на их долю.

И все эти походы Хабаровы совершали без «наказных памятей» государевых воевод, т. е. без понуждения и строгих инструкций властей, на свой риск и страх. Хабаров со своими соратниками неумоимо искал все новые и новые «прибыльные» места и промыслял соболя.

Удачный с самого начала промысел помог ему быстро подняться на ноги. «Скликая» наемных охотников-покрученников, Хабаров находил их без особого труда, ибо «голый как сокол» «гуляющий» человек не был редкостью в новых русских селениях на Лене. Так образовалась у него собственная ватага охотников — своеобразная промысловая артель. Артель эта ходила на охоту или во главе с самим Хабаровым, или же под предводительством его брата и племянника.

Как и все русские промышленники в Сибири, Ерофей Павлович обычно ловил зверя посредством кулем (ловушек-западной), обметов (специальных сетей) и «соболиных собак». Местное население, охотившееся прежде с луком, постепенно переняло эти новые, более добычливые средства промысла.

Интенсивная охота давала возможность получать значительное количество ценного меха. Иногда Хабаров выезжал в сибирские города и обменивал своих соболей на товары, нужные местному населению: бисер, предметы домашнего обихода, хлеб и т. д. Все это завозилось на Лену и продавалось им самим или через помощников тунгусам и якутам. Последние взамен отдавали Хабарову свою добычу.

Таким образом, Ерофей Хабаров, попав на Лену, наряду с промыслами стал заниматься и торгами. То и другое было выгодным занятием. Дорогие меха — и целые

соболиные шкурки, и пупки, острецы (кончики хвостов) и мордки, чернобурые и красные лисицы, бобры с лихвой покрывали издержки. Оборотистый помор богател, реализуя пушнину как «промышленную», так и «перекупную».

И вот сбылась давняя мечта Ерофея Павловича — он стал торговым человеком. Так он именовался и в государственных документах, и в частной переписке. «Бьет челом твой государев сирота торговый человек Устюга Великого Ерофейка Павлов Хабаров» — этими словами обычно начинались его челобитные.

Приложение к имени Хабарова звания «торговый человек» отнюдь не было случайным, оно отражало большие перемены, происшедшие в положении бывшего устюжанина. В практике XVII века такое звание присваивалось достаточно состоятельным купцам, торговавшим привозными русскими и «немецкими» товарами, снаряжавшим на соболиные промыслы за свой счет ватаги покрученников.

Однако для нас важна не эта, а другая сторона деятельности Ерофея Павловича. В течение первых шести-семи лет пребывания на Лене он занимался и изучением края. «Ища прибыли государям» и «прибытку» себе, Хабаров узнавал, «какие реки впали в Лену и сколько от которой реки от устья и до устья ходу парусом или греблею», и расспрашивал «про те реки подлинно, как те реки словут, и отколево вершинами выпали». Плавая по притокам Лены и углубляясь в таежные дебри, он допытывался, «какие люди по тем рекам живут». Собирая конкретные этнографические сведения о быте этих народностей, Ерофей Павлович одновременно знакомился с их хозяйственным укладом, интересуясь, «скотные ли люди, и пашни у них есть ли, и хлеб родится и какой хлеб родится, и зверь у них соболь есть ли и ясак с себя платят... и каким зверем».

Чрезвычайно интересовали нашего землепроходца и природные богатства края. Этот весьма наблюдательный и сметливый русский крестьянин искал минеральные вещества, железную руду и цветные металлы, драгоценные камни. Особые усилия он направил на поиски соляных озерков: тогда в крае остро ощущался недостаток соли. Поиски эти увенчались блестящим успехом. Неутомимый землепроходец стал первооткрывателем знаменитых соляных источников на устье Куты, где сразу же и возник крупный, притом единственный, центр обеспечения солью населения всего Ленско-Илимского края в XVII—XVIII веках. Ерофей Павлович обнаружил соляные источники и на реке Вилюе, также сыгравшие большую роль в снабжении Якутии солью¹.

Все эти «проведывания» новых земель имели огромное значение для дальнейшего подъема производительных сил районов Восточной Сибири. Забегая вперед, отметим и такой факт: на открытых Ерофеем Павловичем «угожих землях» закладывалась первая русская пашня на Востоке Азии, здесь возникли первые поселения пашенных крестьян. Именно землепашцу и торговому человеку Ерофею Павловичу Хабарову и его отважным сподвижникам принадлежит большая личная заслуга в деле приобщения восточносибирских племен к передовой культуре русского народа.

Информация, добытая Хабаровым, беспромедлительно бралась на вооружение Русским государством. «Чертежи», составленные землепроходцами, и «рописи» к ним давали властям возможность организовывать походы служилых и «охочих» людей для привода новых земель и неясчных народов «под высокую царскую руку». Далее, «чертежи» отдельных местностей и схемы маршрутов, выполненные на основе «скасок» первооткрывателей, являлись источниками для составления

¹См.: ЦГ.ЛД.А, Сибирский приказ, стб. 344, л. 80.

сводных чертежей Сибири, в которых обозначались не только географические объекты, но и указывались названия местных племен и те или иные виды природных ресурсов.

Уже на первом таком «Чертеже всей Спбири», составленном в 1667 году «по высмотру» тобольского воеводы П. И. Годунова, Восток Азии показан довольно широко. Чертеж 1673 года обобщил ряд новых географических сведений: о землях к северу и востоку от Лены, о реке Вилюе, однако не был свободен и от ряда неточностей. Новые чертежи Сибири, подготовленные в Тобольске и Москве в 70—80-е годы XVII века, содержали еще больше данных о северо-восточной части Азии. Но вершиной сибирской картографии XVII века был, безусловно, атлас Семена Ремезова (1698—1700). Включался в него и «Чертеж земли Якуцкого города» — детальная этнографическая карта всей Северо-Восточной Сибири — от бассейна Лены до Камчатки и побережья Охотского моря и от береговой черты Северного Ледовитого океана до бассейна Зеи.

Все эти труды могли появиться лишь в результате многочисленных открытий якутских служилых и промышленных людей, — открытий, отраженных по горячим следам на «чертежах», в «росписях» и «отписках». К примеру, авторы карт 1667 и 1673 годов первые данные о бассейне Амура почерпнули именно из «отписок» Василия Пояркова и «опроса» Ерофея Хабарова. Примечательно, что географические открытия Хабарова и других землепроходцев еще во второй половине XVII века стали достоянием западноевропейской науки. Николай Витсен, опубликовавший в 1690—1691 годах карту Сибири, воспользовался сибирскими атласами 1667 и 1673 годов. Первый из них, «годуновский», доставленный в Западную Европу шведским разведчиком Э. Пальмквистом, издал в 1692 году в Данциге Адам

Шлейсинг. В XVIII веке в Западной Европе получили признание «чертежи» С. У. Ремезова, с которых снимались и распространялись копии и которые служили первоисточником для многих карт европейских географов. Более того, русскими «чертежами» пользовались авторы разных научных и популярных географических трудов, издававшихся в европейских столицах. Таким образом, сведения о Сибири, собиравшиеся простыми русскими людьми, дошли не только до Москвы, но и до стран Западной Европы.

Итак, «проведывание» Ерофеем Павловичем Хабаровым новых земель отнюдь не было продиктовано одной лишь любознательностью. Находясь в далеком крае, он радел о «государевом деле», стремился служить своему народу, России. Вместе с тем он искал богатства, чести и славы, вел дела смело, с большим размахом, и судьба до поры до времени благоволила ему.

Новое направление в деятельности Ерофея Павловича на Лене началось с того, что в 1639 году он подал в Енисейском остроге воеводе Никифору Логиновичу Веревкину челобитную с просьбой разрешить ему осесть на устье Куты для варки соли и производства опытных посевов. Соответствующее разрешение было получено, и Хабаров обосновался на облюбованном месте, обзавелся домом и хозяйством. Так землепроходец стал жителем Усть-Кутского острожка, через который проходили пути сообщения Ленского края с Западной Сибирью и центром России.

В XVII веке в бассейне реки Куты кочевали оленные эвенки-охотники — налягиры, или ладагиры. Эти «многие тунгусские люди» находились в то время на низком уровне развития и существовали главным образом за счет охоты. В этом-то районе Ерофей Павлович и начал вместе с нанятыми им работниками расчи-

щать и поднимать целину. Опытный посев, произведенный им весной 1640 года, был первым в истории Ленско-Илимского края. Удача сопутствовала Хабарову: собранный урожай составил несколько сот пудов хлеба. Успех воодушевил пионера ленского земледелия, и к весне 1641 года Ерофей Павлович имел уже около 26 десятин распаханной земли.

Кроме хлебопашества Хабаров занимался на устье Куты извозом — на своих лошадях доставлял через Ленский волок в Якутский острог казенные грузы, не забывая также и о промысле пушнины. Однако другие заботы уже волновали его: на устье Куты Хабаров поставил первую в Восточной Сибири соляную варницу и положил начало разработке минеральных богатств края. Рабочая сила (солевар, подварки, «ярышки» — дроворубы и кузнецы) была наемной. Вываренная в чренах — больших железных сковородах — соль продавалась на сторону. Ерофей Павлович и тут не забывал про «государев интерес» и посылал образцы соли в Енисейский острог для исследования. Эти-то образцы и натолкнули местные власти на мысль о выгодности эксплуатации не соляных ключей, текущих с Ленского волока к Илиму, а соляного озера близ устья Куты.

Сравнительно крупное хозяйство Хабарова было создано им «своим пожитчишком», накопленным за годы пребывания на Лене. Но вскоре хозяйство это было разрушено по воле первых воевод Якутского острога Петра Головина и Матвея Глебова, прибывших осенью 1640 года в Илимский острог и проживших здесь до вскрытия реки Лены¹.

¹Московское правительство решило бассейн Лены и Илима, ранее входивший в состав Енисейского уезда, выделить в самостоятельный уезд с центром в Якутском остроге. Первые воеводы П. Головин и М. Глебов прибыли в Якутск только летом 1641 года.

Воеводы получили «наказную память» Сибирского приказа о заведении пашни на Лене для снабжения местного гарнизона хлебом и о поисках соляных ключей. Поэтому обжитое Ерофеем Павловичем место привлекло их внимание, и они «отписали» его на государя. Вскоре здесь уже работал первый в Восточной Сибири соляной завод, обеспечивавший солью весь Ленско-Илимский край. На пашне же, поднятой Хабаровым, были посажены якутские служилые люди, обязанные весь урожай сдавать в казенную житницу.

Затем на устье Куты стали оседать разного рода «гулящие люди». Уже к 1654 году здесь обосновалось 11 крестьянских семей. К концу века дворов стало 21, и обрабатывали крестьяне до 224 десятин земли. Так в районе старой заимки Ерофея Павловича Хабарова, отобранной в казну, возникла целая слобода, представлявшая собой один из важнейших очагов русского земледелия на Лене.

Воеводы, довольные, должно быть, тем, как они легко и быстро выполнили задание правительства, проследовали в Якутск, а «старый опытовщик», переехавший весной 1641 года на устье реки Киренги, горько жаловался на крутой поступок Петра Головина. В одной из своих челобитных царю он писал: «Петр Головин взял у меня, сироты твоего, что я прежь сего роспахал, усолье Усть-Куты реки з двором и с варницею на тебя, государя, и убытка, государь, мне, сироте твоему, учинил в той пашне и в варнице пятьсот рублей. А oprичь меня, сироты твоего, ниxто заводу пашенново и варнишново не заваживали, а я, сирота твой, в том пашенном заводе от воеводы Петра Головина разорился и одолжал великими долги»¹. Было ясно, что Ерофей Павлович прав, и Сибирский приказ в 1645 го-

¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 136, л. 931.

Ду предписал якутскому воеводе Василию Никитичу Пушкину, посланному на смену Петру Головину, выдать потерпевшему из государевой казны 500 рублей — крупную по тому времени сумму. Деньги, однако, Хабаровым получены не были¹.

Устье реки Киренги, куда вынужден был перейти Ерофей Павлович, оказалось хорошим местом, с «хлебородной, доброй» землей. И это позволило ему создать здесь хозяйство даже более обширное, чем на устье Куты. В районе, где кочевали немногочисленные роды эвенков-охотников и где земледелие вовсе не было известно, Хабаров за короткий срок силами наемных работников распахал 60 десятин земли и с большим успехом выращивал злаковые культуры. В крае скотоводства, охоты и рыболовства хлеб являлся выгодной статьёй торговых операций, и в этих условиях земледельцу нетрудно было превратиться в хлеботорговца. По дошедшим до нас архивным материалам видно, что усть-киренский новосел снабжал хлебом не только торговых и промышленных людей, но и казну. Известно, что в одном только 1642 году он продал 900 пудов ржаной муки, притом это лишь по сохранившимся данным². Доходы от хлебопашества и промыслов давали ему возможность осуществлять крупные финансовые операции. Как показывают документы, в 1642 году он «имал кабал» на 510 рублей, полученных от пяти должников³.

Однако благополучие Ерофея Павловича продолжалось недолго и на устье Киренги. Первый якутский воевода Петр Головин, отобравший усть-кутскую заимку Хабарова и вообще снискавший печальную известность

¹См. там же, стб. 344, л. 77—80.

²ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 31, л. 30.

³См. там же, Якутская приказная изба, оп. 1, стб. 31, л. 1, 29, 41, 56.

в крае своими насилиями и произволом, наложил руку и на его усть-киренское хозяйство. За отказ ссужать деньгами воеводскую казну Ерофей Павлович был брошен в якутскую тюрьму и подвергнут жестоким пыткам. При аресте Головин реквизирует у него 3000 пудов хлеба. Хабаров просидел в тюрьме около двух с половиной лет и был выпущен на волю только во второй половине 1645 года.

Едва придя в себя, Ерофей Павлович вместе со своим братом и племянником с еще большей энергией и настойчивостью принимается за дело. Снова закипела жизнь на берегах Киренги. Здесь строилась мельница, распахивались новые земельные участки. Беспokoйному хозяину помогал приказчик Михаил Дмитриевич Пивов.

Окрыленный успехами, Хабаров задумал заселить устье Киренги новыми землепашцами — выходцами с Руси. Решив стать слободчиком, он намеревался призывать «охочих людей» на пашню, ссужая их деньгами, семенами, сельскохозяйственным инвентарем. Ерофей Павлович говорил открыто, что у него есть московский указ, что ему велено самому садить в пашню своих крестьян¹. Планы эти осуществить не удалось, так как Ерофей Хабаров жил на Киренге недолго, до 1649 года. Привлеченный слухами об открытии Даурии, он свернул свое дело и стал во главе большой экспедиции во «Второе Сибирское царство».

Так закончился семнадцатилетний период жизни устюжанина на Лене. Мирные будни хлебопашца он променял на беспокойную жизнь походного атамана. В 1649 году, когда Ерофей Павлович покидал устье Киренги, здесь жили 20 крестьянских семей, занимавшихся земледелием. То были последователи «старого опы-

¹ Там же, оп. 1, стб. 66, л. 128—129.

товщика», пионеры ленского земледелия. Дорогу им проторил Хабаров.

Вслед за ними на берегах Киренги осядет немало «гулящих» и промышленных людей. Уже в 1699 году в этом районе насчитывалось не менее 120 крестьянских семей, обрабатывавших около полутора тысяч десятин земли. Центром его являлся Усть-Киренский острожек, за рублеными стенами которого возвышались добротные построенные амбары, лавки, церкви. В острожке кроме казаков проживали посадские и торговые люди. Возле острожка находились строения Троицкого монастыря. Словом, на месте, где когда-то стояла одинокая заимка Ерофея Хабарова, выросла оживленная слобода — крупный центр земледельческой культуры на Лене.

ОТКРЫТИЕ ДАУРИИ И ПРОВЕДЫВАНИЕ ПУТЕЙ НА АМУР

В XVII веке Даурией русские называли страну, расположенную в верхней части бассейна Амура, по имени обитавшего там наиболее многочисленного народа — дауров.

Дауры были монголоязычными племенами. Они жили по Амуру от Амазара и Урки до нижнего течения Зеи включительно. Далее, вниз по Амуру, до устьев Сунгари и Усури, обитали тунгусоязычные гогоули и дючеры (дучеры), впоследствии вошедшие в состав современной нанайской народности¹. Еще ниже по реке располагались поселения натков и

¹ Полевой Б. П. Дючерская проблема (по данным русских документов XVII в.). — «Советская этнография», 1979, № 3, с. 47—58.

ачанов (предков тех же нанайцев). В низовьях Амура и по морскому побережью жили гиляки, т. е. современные нивхи.

Дауры занимались пашенным земледелием, однако, по мнению советского историка В. И. Шункова, уровень развития его не следует преувеличивать. Они знали «шесть хлебов»: овес, ячмень, гречиху, просо, коноплю и горох. Из зерна умели получать вино, а из конопли жать масло и выделывать канаты. Занимались и огородничеством, возделывая арбузы, дыни, бобы, чеснок, огурцы, мак и табак. В даурских садах, по отзывам русских землепроходцев, вызревали «яблоки, груши, орехи грецкие, орехи русские», а на привольных амурских лугах паслись стада лошадей, коров, баранов и свиней. В хозяйстве дючеров полеводство и животноводство играли подсобную роль; средства к жизни им давали охота и рыболовство.

Дауры и дючеры жили родовыми общинами — улусами, как их называли русские. Улусы возглавлялись князцами. Центром улуса нередко являлся городок, обнесенный стеной с башнями и окруженный рвом и валом. Под мощными укреплениями некоторых городков были устроены «подлазы», т. е. подземные ходы. Внутри таких крепостей располагались деревянные и каменные дома.

Натки, ачаны и гиляки слыли «непашенными» народами и питались исключительно рыбой. Из домашних животных они держали собак, которыми пользовались для езды.

Общественный строй амурских племен той поры все еще мало исследован. Однако нет сомнения в том, что в XVII веке у них не было государственной организации, хотя они и находились на разных стадиях разложения первобытнообщинного строя и формирования классовых отношений. Как явствует из многочисленных

исследований, проведенных советскими и зарубежными учеными, с глубокой древности и вплоть до середины XVII века, времени появления на Амуре первых отрядов русских землепроходцев, амурские аборигены сохраняли свой самобытный уклад жизни и политическую независимость¹. Племенные вожди могли принимать почетные титулы и подарки от властителей Поднебесной, могли даже ездить в Пекин с внешними изъявлениями «покорности», но это отнюдь не препятствовало им успешно отражать вооруженные вторжения с юго-запада в «страну непроходимых гор и лесов».

В 1616—1640 годах ряд походов в Приморье и на Средний Амур совершили и войска маньчжурских богдыханов. Но ни китайцы, ни маньчжуры здесь не закреплялись, не создавали своих поселений, не размещали гарнизонов, не оставляли представителей своих властей. Цинские войска, как правило, ограничивались ограблением и истреблением населения, частичным угоном его на юг, изъятием пушнины и других ценностей. Словом, амурское население никогда не управлялось ни маньчжурами, ни тем более китайцами, а территория Приамурья и Приморья никогда не входила ни в состав Китая, ни маньчжурской Цинской империи²

Этот общий вывод подтверждается и отчетом якутского письменного головы В. Д. Пояркова о его амур-

¹ Окладников А. П., Деревянко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973.

² См.: Тихвинский С. Л. Вступительная статья. — В кн.: Китаи и соседи в древности и средневековье. М., 1970, с. 7—8; Мелихов Г. В. О северной границе восточных владений маньчжурских (цинских) феодалов в период завоевания ими Китая (40—80-е годы XVII в.) — В кн.: Документы опровергают: Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982, с. 20—28; о н ж е. Как готовилась агрессия феодальных правителей цинского Китая против русских поселений на Амуре в 80-х гг. XVII в. - Там же, с. 72-73.

ской экспедиции (1643—1646): «А натки живут по Амуру по обе стороны улусами, а ясаку они никому не дают. А гиляками плыли до моря две недели же, а гиляки сидячие живут по обе стороны Амура и до моря улусами, да и на море по островам и губам живут многие ж гиляцкие люди сидячие улусами, а кормятся рыбою, ясаку они, гиляки, хану не дают» (курсив мой. — Ф. С.).

Бассейн Амура, где проживали независимые племена, в начале XVII века являлся «ничейным пространством». От него были удалены и русские владения, и маньчжурские, и тем более китайские. И в 1616—1644 годах (период существования Маньчжурского государства), и позднее, вплоть до начала 80-х годов XVII века (т. е. уже в период Цинской империи), крайние пределы «Богдойской земли» находились только в районе современной Южной Маньчжурии КНР. В ее состав не входили и считались внешними территориями даже районы Нингуты и Гирина, этих форпостов маньчжурской экспансии на Северо-Востоке. «Появление первых русских землепроходцев в бассейне р. Амура и начало освоения ими Приамурья совпало по времени с уходом основной части маньчжуров во Внутренний Китай в целях его завоевания»¹, — отмечает советский ученый-востоковед Г. В. Мелихов.

Имеется известие о том, что уже в 1637 году томские казаки, собиравшие ясак с алданских тунгусов, узнали от них о племенах, живших по рекам Зее и Шилкару (Шилке). Однако более подробные сведения были получены енисейскими казаками, ходившими в 1639 году во главе с Максимом Перфильевым в верховья Витима. Возвращаясь в Енисейский острог, они

¹ Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в). М., 1974, с. 93.

27 июля 1640 года на реке Тунгуске встретились с якутскими воеводами П. Головиным и М. Глебовым, направлявшимися в свою резиденцию, и сообщили им важные подробности о Приамурье.

Тунгус, взятый казаками в верховьях Витима в аманаты, и его сородичи рассказали землепроходцам, что «живет де, государь, вверх по Витиму реке даурской князец именем Ботога с товарищи», «а юрты де, государь, у того князца Ботоги рубленые. И скота де, государь, у того князца Ботоги всякого и соболя много, и серебро де у него, Ботоги, есть», что то «серебро Ботога и камки покупает на Шилке реке у князца Лавкая, а от Ботоги де ... по обе стороны Витима реки живут даурские конные многие люди. А бой де, государь, у них лучной», что «от Ботоги де, государь, на Шилку реку волок ходу полчетверта¹ дни. А по той реке Шилке живут многие даурские пашенные люди, а хлеб де, государь, у них всякой против русково и до Усть-Шилки реки. Да на той же, государь, Шилке реке у князца Лавкая, на усть Уры [Урки] реки под улусами блиско серебряная руда в горе, и ис той де, государь, руды доурские князцы Лавкай с товарищи плавят серебро, и руды де, государь, серебряные много. И то де у них серебро разходитца по многим волостям и по улусам в продаже, а продают де, государь, серебро на соболи <...>. Да на Шилке ж де, государь, реке у князца Лавкая и у иных князцей по улусам пашут хлеб, рожь и ячмень и иные семена, и тот де они хлеб продают на Витим реку князцу Ботоге и иным князцам, и тунгусские де, государь, те люди у них покупают же на соболи. А хлеба де родитца много»².

¹ Т. е. три с половиной.

² Хрестоматия по истории СССР XVI—XVII вв. М., 1962, с. 553—555.

Эти рассказы тунгусов о богатствах Приамурья: о соболях, о плодородии почвы, о серебряной руде — вызвали исключительный интерес у русских людей. Еще в 1641 году П. Головин направил письменного голову Еналея Бахтеярова с 51 служилым человеком «в Витим реку для... ясачного збору, и прииску новых земель и серебряной для руды, и медной и свинцовой, и хлебной пашни...»¹

Однако первое плавание по Амуру совершил не Еналей Бахтеяров, а Василий Данилович Поярков, тоже письменный голова Якутского острога. Он вышел в путь из Якутска 15 (25) июля 1643 года (на Алдане его догнали Ющка Петров и Патрикей Минин) с 130 служилыми и «охочими» людьми. Им были даны «для угрозы немирных земель» пушка, «ядром полфунта», порох и свинец. В «наказной памяти», подписанной П. Головиным, говорилось, что Поярков посылается на Зею и Шилку (во владения князца Лавкая) «для государева ясачного сбора и для прииску вновь неясашных людей, и для серебряной и медной и свинцовой руды, и хлеба». Ему поручалось в проведанных местах «острожки поставить и со всем укрепить»².

Однако сил у небольшого отряда землепроходцев хватило лишь на «проведывание» Приамурья. Через три года, 12 (22) июля 1646 года, испытав исключительные трудности и лишения и потеряв в пути большую часть отряда (из 133 человек вернулось около пятидесяти), Поярков прибыл в Якутск. Путь его шел вниз по Лене, затем вверх по Алдану до Учура, из Учура - вверх по Гонаму. Оттуда землепроходцы перешли волоком к верховьям Бранты, а затем спустились па Зею и, после зимовки в устье Умлекана, далее в

¹ ДАИ, т. 3, СПб., 1848, с. 26.

² Там же, с. 50—51.

Амур. Сплыв к устью Амура, казаки перезимовали здесь, а летом 1645 года Охотским морем на кочах добрались до устья реки Ульи. Наконец, с верховьев Ульи Поярков перешел в верховья Май, впадающей в Алдан, и с частью отряда возвратился по Мае, Алдану и Лене в Якутск. Местами зимовки пояровцев были Зея, устье Амура и Ульинское зимовье, поставленное Иваном Москвитинным в 1639 году.

Экспедиция Василия Пояркова имела огромное значение. Удалые землепроходцы открыли великую реку Амур, провели пути в неведомую землю и плыли по Амуру от устья Зеи до Амурского лимана. Они увидели своими глазами заветный край. Перед ними действительно предстала цветущая земля, столь непохожая на таежные дебри Сибири. По берегам Зеи и Амура часто встречались городки, вспаханные поля, плодовые сады, табуны лошадей, стада коров. Василий Поярков узнал от аборигенов, что всего за день удачливый охотник мог добыть десять и больше соболей¹.

Возвращение Василия Пояркова и его рассказы, подтвердившие слухи о богатствах Даурии, всколыхнули Якутск. К тому же воеводам Василию Пушкину и Кириллу Супоневу Поярков высказал мнение, что жителей Даурии «под государеву царскую высокую руку привести можно, и в вечном холопстве укрепить, и ясак с них собирать». И вскоре в Москву ушла «отписка», в которой якутские воеводы испрашивали санкции царя Алексея Михайловича на подготовку новой, более многочисленной экспедиции в Приамурье. Они писали: «Только де, государь, ты укажешь на Даурскую землю послать, и тебе, государю, будет прибыль... служи-

¹ См.: Полевой Б. П. Новое об амурском походе В. Д. Пояркова (1643—1646). — В кн.: Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973. с. 112—126.

лые люди будут в хлебных и скотных местах, и твоим государевым служилым людям в хлебных запасах скудости никакой не будет»¹. Разрешение, вероятно, было дано, но воспользоваться им не удалось.

Тем временем был открыт более короткий путь на север, верховьев которого через хребет шел волок на Урку, а по Урке спускались уже в Амур. Путь этот был разведан в 1645—1648 годах промышленными людьми, обогатившимися в бассейне Олекмы и Тугира.

ПЕРВЫЙ ПОХОД НА АМУР

Открытие более короткого и удобного пути в край, щедро наделенный богатствами природы, взволновало многих людей. Инициатива нового похода в Приамурье исходила на сей раз не от воеводской канцелярии, а от частного лица — Ерофея Павловича Хабарова. Даурия с ее сказочными богатствами казалась ему землей обетованной, она сулила ему такие «добытки», которые киренское хозяйство никогда не смогло бы дать. С другой стороны, ему хотелось послужить «государеву делу» — присоединить богатый край к Русскому государству.

И вот весной 1649 года Ерофей Хабаров отправился навстречу новому якутскому воеводе Дмитрию Андреевичу Францбекову, ехавшему из Москвы в Якутск. Встреча состоялась в марте в Илимском остроге, и воевода прочел челобитную, содержание которой поразило бы каждого: киренский хлебопашец просил доверить ему смелое и очень трудное предприятие — организо-

¹ ДАИ, т. 3, с. 58.

вать экспедицию на Амур. Причем набрать участников похода из промышленных и «гулящих» людей, снабдить их всем необходимым (продовольствием, платьем, снаряжением) вызывался сам Ерофей Хабаров. Речистый и напористый житель Лены своими рассказами о богатствах Даурии увлек Францбекова. «Наказная память», данная воеводой Хабарову, гласила, что Ярко Павлов сын Хабаров отпускается на государеву службу «на новую землю по Олекме реке, на князца на Лавкая да на Батогу и на его улусных людей» для призыва их «ласкою под государеву царскую высокую руку, чтоб они были в вечном ясачном холопстве вовеки неподвижны, и государев ясак соболи и лисицы с себя и с улусных людей давали государю по все годы безпереводно».

Ерофей Хабаров, испросив разрешение на поход, обязался было набрать 150 «охочих людей», однако согласились идти с ним в далекий край всего лишь 70 человек. Здесь были и рязанцы, и волжане, и черкасы (ссылные украинцы), и поморы, в большинстве своем крестьяне, разоренные помещиками и приказными и от тягот жизни сбежавшие с насиженных мест, холопы, порвавшие с унижительной личной зависимостью, рядовые посадские люди, доведенные до отчаяния непосильными поборами, промышленные люди, искавшие новых богатых охотничьих угодий.

Все они называли себя покрученниками Хабарова, так как были наняты им на определенных условиях, скрепленных договором. Каждый из них должен был служить Хабарову три года, получая долю добычи па промыслах и во время похода («пополам и из трети»). Ерофей Хабаров ссужал их за свой счет «деньгами, и хлебными запасы, и суды, и ружьем, и зельем, и свинцом». Деньги были выданы им «на корм и на платье и на обувь на три годы всем». Если верить заявлениям

самого Хабарова, то на «подъем» 70 человек он израсходовал огромную по тому времени сумму — три с половиной тысячи рублей (в переводе на золотую валюту XX века — 56 тысяч рублей).

Из сохранившихся документов видно, что значительную часть этой суммы киренский хлебопашец занял в счет будущих «добытков». «Государев наряд» (пушки, свинец, порох, пищали, куяки), «железная рухлядь» (котлы, косы, серны, сошники, железо кричное), сукна были взяты им у казны с условием возмещения их стоимости по окончании похода. Большую сумму денег Хабаров получил и от самого Францбекова, опять-таки при условии возврата с процентами.

Экспедиция, организованная Ерофеем Хабаровым «на своих проторех» (т. е. на свои средства), по существу носила характер частного предприятия. И дело здесь не только в том, что она финансировалась лично самим Ерофеем Хабаровым, — главное, что в ее составе вначале не было ни одного служилого человека. Отряд состоял только из «гулящих» и промышленных людей. Все они действовали «без государева жалованья», однако, что особенно важно, полагали себя состоящими на «государевой службе» и имели четкие указания царской администрации о порядке присоединения Даурии к Русскому государству.

Вся эта ватага, объединенная волей Ерофея Хабарова, выступила из Якутска осенью 1649 года. С Лены участники похода поднялись на стругах по капризной и угрюмой Олекме. Путь был трудным: приходилось преодолевать многочисленные пороги и шивера. Поэтому уже на устье Тугира (приток Олекмы) люди были застигнуты заморозками. Здесь они провели короткую зимовку, после чего примерно в конце января 1650 года выступили вверх по Тугиру, с верховьев которого через волок перешли в верховья Урки (приток

Амура). Могло быть это или в конце февраля, или в первой половине марта 1650 года.

С реки Урки начиналась земля князца Лавкая, а затем дальше, вниз по Амуру, располагались улусы других даурских князцов. Лавкаев город близ устья Урки произвел впечатление на Хабарова и его спутников. Обширные и светлые дома с большими окнами находились за крепостной стеной с башнями, подземными ходами и тайниками, ведущими к воде. В многочисленных ямах хранился большой запас хлеба. Само же поселение, выглядевшее неприступно, оказалось безлюдным. Гадая о причинах, побудивших жителей покинуть крепость, отряд двинулся дальше. Однако пустовали и второй укрепленный городок, являвшийся центром улуса зятя Лавкая, и третий.

Первыми представителями даурских племен, с которыми Ерофей Хабаров повел переговоры через толмача (переводчика), были сам Лавкай, его братья Шилгиней и Гильдега, зять и раб, прискакавшие к третьему городку во время кратковременной остановки отряда. Выяснилось, что дауры, получив сведения о походе против них якобы многочисленного русского войска, покинули свои улусы. Ерофей Хабаров попытался растолковать Лавкаю, что он прибыл с мирными целями, но Лавкай оказался несговорчивым и ускакал обратно. В погоне за ним Хабаров через день добрался до четвертого, тоже оставленного жителями, городка, а на следующий день — и до пятого, расположенного на берегу Амура. Там нашли только одну старуху, оказавшуюся сестрой Лавкая.

От этой женщины русские землепроходцы впервые узнали о напряженной политической ситуации, сложившейся в средней части бассейна Амура к середине XVII века вследствие грабительских набегов маньчжуров. «Эта захватническая политика Маньчжурского го-

сударства, — отмечает Г. В. Мелихов, — угрожала самому существованию народов Дальнего Востока и выдвигала объективную необходимость их защиты и спасения»¹.

Узнали хабаровцы и о том, что часть даурских родов откупалась от маньчжуров дорогими мехами, предпочитая «принесение даров» поголовному ограблению и массовому угону пленных мужчин и женщин в «Богдойскую землю».

Проведав страну и собрав сведения о ней, Ерофей Хабаров убедился, что с небольшими силами подчинить Даурию невозможно. Поэтому он возвратился в первый Лавкаев город, оставил здесь свой отряд, а сам приблизительно в апреле отправился в Якутск, куда и прибыл 26 мая 1650 года². Здесь он красочной рассказ о благодатном крае, предъявил и «чертеж» Лавкаевых городов и земли. Якутские воеводы сразу же отправили этот «чертеж» в Москву.

Одновременно в Москву, в Сибирский приказ, ушел и обстоятельный отчет о первом походе Ерофея Хабарова в Даурию. В конце «отписки» со слов землепроходца сообщалось следующее; «А будет изволишь ты, государь, послать на князя Бокдоя своих государевых ратных людей, и надобно, государь, ратных служилых людей тысяч с шесть... А только, государь, они, даурские князцы, тебе, государю, учинятца сами своею волею покорны или твоею государевою грозною под твою государеву высокую руку приведены будут, и заведутца тут в Даурской земле пашни; и тебе, государю, будет прибыль большая, и в Якуцкой, государь, острог хлеба присылать будет не надобно, потому что де из Лавкаева города с Амура реки через волок на Тугир

¹ М е л и х о в Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.), с. 77.

² См.: ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 344, л. 77—78.

реку в новой острожек, что поставил Ярко Хабаров, переходу только со сто верст, а водяным путем из того Тугирского острожку на низ Тугирем рекою и Олекмою и Леною до Якуцкого острогу поплаву на них только две недели; а чаять, государь, что та Даурская земля будет прибыльнее Лены, а сказывал он. Ярко, нам, холопом твоим, что и против всей Сибири будет место в том украшено и изобильно»¹.

ВТОРОЙ ПОХОД НА АМУР

Ни Дмитрий Францбеков, ни Ерофей Хабаров не стали ждать ответа из Москвы, который можно было получить лишь через два-три года. Хабаров сразу же по приезде объявил новый набор в даурский поход. Желających оказалось на этот раз больше, чем прежде, из них было отобрано 117 «охочих людей». На «подъем» их Хабаров израсходовал четыре тысячи рублей. Столь большой суммы у него не могло быть поэтому он вновь воспользовался широким кредитом предоставленным Францбековым как из казенных, так и из собственных средств. Воевода, охотно вкладывая свой капитал в предприятие Ерофея Хабарова, рассчитывал вернуть его с лихвой. Понимая огромное политическое значение экспедиции, Францбеков назначил Хабарова «приказным человеком» Даурской земли. С той же целью вместе с «охочими людьми» был отправлен 21 казак под начальством Третьяка Чечигина.

Францбеков дал Хабарову весьма любопытное за-

¹ ДАИ, т. 3, с. 261.

дание: привести «князя Богдою» в русское подданство. Дело в том, что во время первого похода Хабарова дауры сообщили ему о существовании «князя Богдою» — маньчжурского хана. В «наказной памяти» от 9 июля 1650 года, данной Хабарову, Францбеков обязывал его отправить к Богдою посольство, с тем, чтобы «князь Богдой с родом своим и с племенем и со всеми улусными людьми был под государевою нашего царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Руси высокою рукою в холопстве».

Посланники должны были доставить и грамоту Д. А. Францбекова «князю Богдою», составленную в тот же день, 9 июля, и сказать ему «милостивое жаловальное слово, чтоб ты, князь Богдой, был под его государя нашего царя и великаго князя... высокою рукою в вечном холопстве со всем своим родом и с-ынными даурскими князи», ибо «государь наш царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русин силен и велик и страшен, многим царям и государям и великим князьям повелитель и государь... и от ево, государскаво, ратнаво бою ниhto стоять не может». В грамоте подчеркивалось, что посланники пришли «не для бою», а для «жаловального слова», и что если он, князь Богдой, добровольно не примет подданство, то наш царь, хоть и «праведен и кровей ничьих не искатель», пошлет большое войско для смирения его «ратным боем»¹.

Ерофей Хабаров, облеченный званием «приказного человека» и получивший большие полномочия, пробыл в остроге недолго. Он выступил из Якутска в первой половине июля 1650 года и осенью того же года прибыл на Амур. С радостью встретили его соратники, засевшие на берегу Амура, значительно ниже устья реки

¹ Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы, т. 1. 1608—1683. М., 1969, с. 129—130.

Урки, под стенами городка зятя Шилгиня «князца» Албазы. Жили они здесь в острожке, поставленном ими после неудачного штурма Албазина.

Прибытие подкрепления к русским вызвало панику среди жителей Албазина, и они поспешно оставили его. В городке, занятом без боя, хабаровцы нашли много продовольствия, в том числе хлеба, и, укрепив городок, прожили здесь до лета 1651 года.

В течение зимы 1650/51 года «охочие люди» и казаки, имея базу в Албазине, первом русском остроге в Приамурье, совершали походы вниз и вверх по Амуру. И все же ясака удалось собрать немного, он был отправлен в Якутск 25 марта 1651 года вместе с доверенными лицами, в числе которых находился и племянник Ерофея Павловича Артемий Филиппов Петриловский.

Доверенные Хабарова повезли в Якутск и его «отписку» о том, что, «по подлинным расспросным речам», «князя Богдою», оказывается, как такового нет, а есть «земля Богдойская», правит которой какой-то Шамшакан. Поэтому 27 июля 1651 года в Якутске была написана новая «наказная память» Хабарову, обязывавшая его снарядить посольство из восьми служилых людей во главе с Третьяком Чечигиным уже не к Богдою, а к Шамшакану. «Наказную память» получил и сам Третьяк Ермолин Чечнгин.

В то время в Москве еще смутно представляли себе военно-политические характеристики Цинской империи, а в Якутске полагали, что загадочный Шамшакан — князь примерно такого же ранга, как Лавкай или Албаза¹.

А между тем служилые и «охочие» люди с прибли-

¹ См.: Русско-китайские отношения в XVII веке, т. 1, с. 130—132, 542-543.

жением весны стали строить дощаники и струги, ковать якоря. 2 июля 1651 года они оставили Албазин и поплыли вниз по Амуру. 3 июля прошли мимо сожженного недавно городка «князца» Дасаула. Дня через два-три достигли сильно укрепленного городка «князца» Гуйгудара и взяли его штурмом после продолжительной осады.

У стен этого городка произошла первая встреча русских с маньчжурами, наблюдавшими со стороны за ходом сражения. После боя, на следующий день, маньчжуры послали к Хабарову своего представителя. Переводчика у казаков не было, и только с помощью «даурских баб» с трудом удалось понять смысл сказанного маньчжуром: их царь велел с русскими не драться, а «свидеться честно». Хабаров ему «честь воздал и подарки государевы давал» и отпустил «в свою Богдойскую землю»¹.

В городке Гуйгудара отряд простоял более шести недель. Затем, оставив городок, дня через два казаки подошли к пустовавшему Банбулаеву городку, вокруг которого желтели поля несжатого хлеба. Было решено здесь обосноваться, и Хабаров стал было продавать своим товарищам сельскохозяйственные орудия, взятые им в Якутске. Однако слухи о богатых землях на Зее позвали в дорогу, и ватага во второй половине августа 1651 года снова понеслась вниз по Амуру.

Через три дня, миновав несколько поселений выше и ниже устья Зеи, в том числе улус «князца» Кокурея, также покинутые жителями, хабаровцы добрались до городка «князца» Толги, построенного, по словам местных жителей, будто бы людьми всей Даурии. Городок действительно оказался сильно укрепленным, он был обнесен двойными стенами и окружен тройным рвом.

¹Русско-китайские отношения в XVII веке, т. I, с. 135.

Но людей в нем находилось мало, а «князцы» Туронча с братьями и Толга пировали в окрестностях, так что городок был взят без боя. Затем были пленены даурские «князцы», которые изъявили полную покорность, дали 60 соболей и присягнули вносить ясак впредь «по вся годы».

Решив здесь осесть, казаки укрепили городок и начали подумывать о заведении пашни. По решению казачьего круга («и яз, приказной Ярофейко, посоветовав с ратными людьми, служилыми и вольными казаки») пленные были отпущены без выкупа, «и велели им жить без боязни, и они жили в тех своих улусах у города с нами за един человек, и корм нам привозили, и они к нам в город ходили»¹. Казалось бы, добрые отношения с местным населением начали налаживаться.

Однако 3 сентября дауры неожиданно «на кони свои высели все и с ясырями из улуса все побежали». Улус опустел. Оставаться здесь не имело смысла, и Ерофей Хабаров 5 сентября приказал плыть дальше.

За Толгиным городком кончались владения дауров и начинались земли тунгусоязычных гогулей и дючеров. Наталкиваясь на сопротивление родоплеменной верхушки, не желавшей уступать часть своих доходов московскому царю, казаки поступали по законам военного времени: брали заложников, захватывали скот и делили его между собой, а эти действия вновь вызывали противодействие. «Нужно помнить, — подчеркивал советский историк А. М. Сахаров, — что русский крестьянин, посадский человек, казак (в массе своей) никогда не был врагом нерусского человека на вновь присоединяемой земле... Поэтому выступления против русских вообще, которые инспирировались местной знатью, никак не могут быть отнесены к числу исторически про-

¹ДАИ, т. 3, с. 363.

грессивных, справедливых движений, даже если в них участвовали широкие массы и если в этом выступлении стихийно проявлялся их протест против гнета и эксплуатации... Выступления против России не только не приближали освобождения нерусских народов от гнета и эксплуатации, но, наоборот, отдаляли это освобождение, потому что результатом их могло стать только утверждение глубоко отсталых форм общественной организации»¹. Это высказывание справедливо и по отношению к части даурских и дючерских «князцов», действия которых серьезно ослабили способность амурских племен к отражению маньчжурских набегов.

Миновав устья Сунгари и Уссури, на исходе сентября отряд остановился в земле ачанов на левом берегу Амура, значительно ниже устья Уссури, неподалеку от того места, где теперь расположен Комсомольск-на-Амуре. Здесь, в центре большого улуса, Хабаров заложил Ачанский город, в котором отряд и провел зиму 1651/52 года². Попытка ачанов и дючеров овладеть крепостью, предпринятая в начале октября 1651 года, не удалась. Хабаров стал посылать своих людей в улусы для сбора ясака, и местное население вскоре, по правовым нормам того времени, было приведено в русское подданство.

Казалось бы, ничто не предвещало беды. Но вот рано утром 24 марта (2 апреля) «сверх Амура реки славные ударила сила и ис прикрыта на город Ачанской», «сила богдойская, все люди конные и куячные». Более чем двухтысячное маньчжурское войско было вооружено пушками, скорострельными пищальями и пестардами. Командовал им военачальник Хайсэ. Одним

¹ Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV—XVII вв. М., 1969, с. 213.

² Полевой Б. П. О местонахождении Ачанского городка. — «Советская археология», 1960, № 3; См. также Приложение, с. 107.

из мотивов, побудивших маньчжуров совершить вооруженное вторжение в Приамурье, являлось то, что «русская политика в крае была успешной и привлекала к Русскому государству все большее число представителей местного населения. Маньчжуры справедливо боялись, что примеру таких даурских и эвенкийских вождей, как Гантимур, Гуйдохунь и Бойгонь, добровольно перешедших со своими людьми к русским, могли последовать другие племена и народы не только Верхнего Амура и его левобережья, но и правобережья Амура, т. е. района современного Северо-Востока. Это поставило бы маньчжуров перед лицом серьезной угрозы в этом обширном крае и могло повлиять на положение Цинской династии во всем Китае»¹.

Едва маньчжурское войско подступило к стенам Ачанска, как казачий есаул Андрей Иванов забил тревогу: «Братцы казаки! Ставайте наскоре и оболакайтесь в куюки крепкие!» Нападение оказалось столь внезапным, что некоторые казаки бились «в единых рубашках». В ходе сражения наступил критический момент, когда «богдойцы» сделали пролом в остроге и через те «проломные стены» ворвались в городок. В тот момент «богдойский» князь Исиней стал кричать своим воинам: «Не жгите и не рубите казаков, емлите их, казаков, живьем!» Русские было уж «промеж собою прощались». И тут громко прозвучали призывные слова Ерофея Хабарова и Андрея Иванова; «...И помрем мы, казаки, все за один человек против государева недруга, а живы мы, казаки, в руки им, богдойским людям, мы, казаки, не дадимся!» Это обращение подняло дух казаков. На проломное место они прикатили «пушку большую медную» и начали бить по врагу в упор. Би-

¹ Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.), с. 96-97.

ли они и «из иных пушек железных» и «из мелково оружия». Маньчжуры, не выдержав, отступили от острога, а казаки, «156 человек в куюках», предпринял смелую вылазку в маньчжурский стан. «И нападe на них, богдоев, страх великий божий... — сообщал позднее Хабаров в Якутск, — покажися им сила наша несчетная, и все достальные богдоевы люди прочь от города и от нашего бою побежались врознь». Вооруженное вторжение маньчжуров в русское Приамурье было успешно отражено.

Ачанская победа знаменательна и тем, что отряд Хабарова, уступавший по численности маньчжурскому войску десятикратно, потерял убитыми только десять человек, ранено же было 78 человек, «и те все от ран оздоровили». Маньчжуры же оставили на поле боя 676 погибших воинов. Трофеи достались казакам богатые: 830 лошадей с хлебными запасами, 17 пищалей скорострельных, 2 железные пушки, 8 знамен. «Переиманы языки»¹.

Дождавшись весны, Ерофей Хабаров оставил Ачанский город и 22 апреля 1652 года стал подниматься вверх по Амуру.

В середине мая отряд встретился с партией казаков, плывшей ему навстречу по Амуру. Ерофей Павлович узнал, что отправленные им 25 марта 1651 года с ясаком Третьяк Чечигин, Дружинка Попов и Артемий Филиппов Петриловский прибыли в Якутск 29 мая. Попов был послан в Москву с воеводской «отпиской», излагавшей донесения Хабарова, Чечигин же и Петриловский набрали ПО «охочих казаков», к которым присоединились 27 служилых людей. Все они получили «государево жалованье» и прибыли на Амур в начале сентября 1651 года. Не застав Хабарова в Албазине,

¹ Русско-китайские отношения в XVII веке, т. 1, с. 135—136.

казаки остановились на зимовку в Банбулаевом городке.

Среди прибывших не оказалось Ивана Нагибы и его 27 казаков. Посланный вниз по Амуру на поиски Хабарова, отряд этот разминулся с Ерофеем Павловичем и был вынужден выйти в Амурский лиман, а затем и в Охотское море. После долгих странствий и многих приключений Иван Нагиба «с товарищи» вернулся в Якутск, преодолев тысячи километров по Амуру, Охотскому морю и Охотскому побережью.

Объединенный отряд землепроходцев продолжал подниматься вверх по Амуру, делая остановки в пути и совершая отдельные вылазки в улусы. Зимовать остановились 1 августа 1652 года на правом берегу Амура против устья Зеи, в улусе «князца» Кокурея. Здесь решили строить город. Однако непредвиденные события нарушили эти планы. Уже давно среди «голытьбы», набранной Хабаровым в свой «полк», зрело недовольство. Амур действительно, как и говорил Хабаров, оказался богат и рыбой, и зверем, и птицей, и добрыми пашенными угодьями, разве что серебряных гор здесь не было. Но частые переезды с места на место, опасные «посылки» в «немирные» селения не давали возможности казакам осесть где-либо и, помимо «государева дела», заняться промыслами, земледелием, торговлей с местным населением. И вот 1 августа гнев и возмущение значительной части отряда прорвались наружу. Казаки во главе со Степаном Поляковым и Константином Ивановым обвинили Ерофея Хабарова в том, что он «постоянства не делает... ни в Даурской земле, ни в Дючерской земле, города не ставит и аманатов теряет, даурских и дючерских князей небрежением и нерадением, а государеву казну продает... От того, себе ты, приказной человек Ерофей Хабаров, корысть получаешь велику, и мы, государевы холопи твои, подымались

из Якутского острогу и промыслов своих на своих подъемах, и будучи мы, холопи твои государевы, с ним. Ярком, на твоей государственной службе задолжали»¹.

Выслушав ответные обвинения Ерофея Хабарова в «воровстве», 132 казака захватили часть судов и ушли в низовья Амура служить государю отдельно. Здесь, среди Гиляцкой земли, они поставили острог с башнями, взяли аманатов и приступили к сбору ясака. Но это продолжалось недолго: 30 сентября под стены острога явился Ерофей Хабаров и поставил зимовье напротив. Острог был взят после осады в середине октября и в феврале 1653 года сожжен, сторонники Полякова и Иванова жестоко наказаны: биты кнутами и батогами (некоторые от ран померли).

Перезимовав в четвертый раз на Амуре, в мае 1653 года Ерофей Хабаров поплыл вверх по реке².

25 августа 1653 года к устью реки Зеи, где остановился отряд, прибыл уполномоченный царского правительства московский дворянин Дмитрий Иванович Зиновьев и с ним 330 служилых и «охочих» людей (150 человек из Москвы, остальные с «розных понизовных сибирских городов»). Зиновьеву было поручено подлинно «разведывать про Даурскую землю» и «про Китайское государство... сколь далече от Даурския земли и как к нему путь», «всю Даурскую землю досмотреть и ево, Хабарова, ведать», сказать даурским князьям «государево милостивое слово» и приготовить все необходимое для войска, которое предполагалось отправить в Даурию под начальством окольничего И. Лобанова-Ростовского (вскоре план этот был оставлен).

¹ Полевой Б. П., Таксами Ч. М. Первые русские сведения о нивхах-гиляках. — «Страны и народы Востока», вып. XVII. М., 1975, с. 144.

² См.: ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 344, л. 77—80.

По прибытии Д.И. Зиновьев роздал привезенные от царя награды: Хабарову — червонец золотой, служилым людям — новгородки, «охочим людям» — московки¹. Этот акт означал официальное одобрение действий отряда Ерофея Хабарова на Амуре. Однако от должности «приказного человека» Хабаров был отстранен. Свою роль в этом, возможно, сыграл иск окольного П. Ф. Соковнина к Ерофею Хабарову и брату его Никифору «в займах... в 2100 рублей». Еще год назад, 30 июня 1652 года, служилому человеку Никите Прокофьеву, отправлявшемуся на Амур, вменялось в обязанность «дать на поруки» Ерофея Хабарова, «что им, Ярку, ехать в Якуцкой острог, как минетца даурская служба, а Ннкифорка Хабарова привезть за приставом ему, Никитке, с собою вместе в Якутской острог»².

В довершение всего служилые и «охочие» люди подали изветную челобитную на Ерофея Хабарова, обвиняя его в притеснениях подчиненных и туземцев, в нерадении государеву делу и в частном наживательстве (тут припомнили, как Ерофей Хабаров на стоянках занимался курением и продажей вина и пива, как он по высокой цене продавал снаряжение, сельскохозяйственный инвентарь и т. д.). Зиновьев, получив челобитную и опросив казаков, решил взять с собой в Москву Ерофея Хабарова, Степана Полякова и Константина Иванова, а «приказным человеком новые Даурския земли» назначил служилого человека Онуфрия Степанова Кузнецца и дал ему от себя «наказную память», велел «с радением» взимать яsak.

Зиновьев, согласно данному ему поручению, расспросил «иноземцев и Ярка Хабарова с товарищи» о новой Даурской земле и о Китае. Он сказал «государево ми-

¹ Серебряные монеты. Две московки равнялись одной новгородке.

² См.: ДАИ, т. 3, с. 354.

лостивое слово» даурским князцам. Последние «били челом» царю Алексею Михайловичу, «чтоб государь пожаловал, своим государевым служилым и охочим людем воевать и грабить их не велел, а они, иноземцы, государю ясак с себя по всей мочи платить учнут, и быти под его государскою царьского величества высокою рукою в вечном холопстве ради, только б государь пожаловал, велел их оберегать от богдойского царя Андри-кана»¹.

Зиновьев решил и вопрос об отправке посольства к «богдойскому и никанскому (т. е. китайскому) царям» с предложением принять им русское подданство (Хабаров сделать это не успел). 14 сентября он отправил в дальний путь четырех служилых во главе с Т. Е. Чечигиным; Василия Панфилова, Ивана Шипунова, Василия Иванова и Томила Васильева, с тем, чтобы «богдойский и никанский цари» «с своими землями были под государевою царевою и великого князя Алексея Михайловича всеа России самодержца высокою рукою в подданстве навеки неотступно и ему, великому государю, служили»².

Устроив амурские дела, Зиновьев в середине сентября выехал в Москву вместе с частью отряда (150 служилых людей), Ерофеем Хабаровым и его «оппонентами», соболиной казной и ясачными книгами.

Так закончилась служба смелого землепроходца на Амуре.

Ерофей Хабаров пробыл на Дальнем Востоке около четырех лет и плывал по Амуру с верховьев до низовьев. «Подымаясь собою в поход без государева жалованья», он положил много труда для присоединения Приамурья к Русскому государству. Местные «князцы»,

¹Русско-китайские отношения в XVII веке, т. 1, с. 200.

² Там же. Посланники погибли в пути.

однако, неприветливо встретили русских и вначале оказали им сопротивление. Обстоятельство это явилось основной причиной крутых мер, к которым был вынужден прибегать «приказной человек» Ерофей Хабаров. В этой связи нелишне напомнить официальные указания Москвы сибирским служилым людям: «Прежде уговорить (местные племена. — Ф. С.) ласкою, всякими обычаями, чтоб ласкою и приветом уговорить и к шерти привести на том, что им быть под государевою царевою высокою рукою и ясак с себя платить, а будет некоторыми мерами тех непослушников уговорить будет немочно, а вперед от них чаять будет какого дурна, и тех непослушных людей велеть смирать войною».

Так гласила и «наказная память», полученная Ерофеем Хабаровым от Дмитрия Францбекова. Все это было вполне в духе эпохи феодализма.

Ерофей Хабаров, основную задачу своей экспедиции видевший в присоединении Приамурья к Русскому государству, одновременно пытался распространить русское земледелие на Амуре. Он всячески склонял якутских воевод к переселению крестьян на Амур для заведения пашни и в 1650 году специально привозил в Якутск образцы даурских хлебов. Но что реально мог сделать якутский воевода, занятый прибором «охочих людей» на ленскую пашню, которая тогда только зарождалась и которая развивалась чрезвычайно медленно, особенно в бассейне Средней Лены? Отсутствие притока вольных переселенцев, сказывавшееся на развитии земледелия на Лене, ставило и здесь преграды, и Францбеков ограничился лишь очередной «отпиской» в Москву с сообщением о наличии многих пашенных мест во вновь открытой стране.

В этих условиях Ерофей Хабаров сам решился взяться за дело и во время своего пребывания в Якутске ранним летом 1650 года, получив от казны в порядке

ссуды сельскохозяйственный инвентарь, «сговорил» с собой 20 крестьян. Крестьяне эти с инвентарем, продовольствием и семенами были оставлены им в районе Тугирского волока для производства опытных посевов. Но места здешние оказались «каменными», и крестьяне вскоре были переведены в Албазин. Во время зимовки в Албазине Ерофей Хабаров попытался заселить район устья Урки, покинутый соплеменниками «князца» Лавкая. Тут его тоже постигла неудача, поскольку охотников не нашлось, и Хабаров вынужден был оставить там четырех своих кабальных людей. Эти первые попытки заведения на Амуре русского земледелия не пропали даром, ибо позднее дело Хабарова продолжили его последователи. Уже в 60—80-х годах XVII века русские крестьяне и промышленники распахивали в районе Албазина многие сотни десятин земли.

Имел Хабаров последователей и в закреплении Приамурья за Русским государством. Его ратные люди остались на великой реке, осталось и все снаряжение — «государев наряд» и «железная рухлядь», приобретенные им же. Осталась и часть служилых людей, прибывших с Зиновьевым. Всего там собралось до 540 человек.

Во главе их был поставлен служилый человек Онуфрий Степанов Кузнец. Хотя он и жаловался, что Зиновьев назначил его «в неволю», но все же оказался на высоте своего положения и все делал «по совету с войском». Помощником его стал племянник Хабарова Артемий Петриловский.

18 сентября 1653 года, после отъезда Д. И. Зиновьева, отряд О. Степанова Кузнецца с устья Зеи поплыл вниз по Амуру к устью Сунгари. Русским надо было запастись хлебом на зиму, заготовить лес для строительства судов.

Зиму 1653/54 года казаки провели в Дючерской зем-

ле, «не доплыв Гиляцкие земли». Живя здесь, собирали ясак, а с наступлением весны поделали «суды большие и струги» и поднялись выше по Амуру.

20 мая, достигнув устья Сунгари, пошли вверх по реке, думая «приводить неясачных дючерских мужиков под государеву цареву высокую руку», и попутно сделать запас хлеба. Но 6 июня их встретило большое маньчжурское войско «со всяким огненным стройным боем, с пушки и пищали». Началась жаркая схватка «на суше и на воде в стругах». Одолеть маньчжуров не удалось. Отряд вернулся на Амур и продолжил плавание вверх по реке.

Зиму 1654/55 года казаки решили провести на правом берегу Амура, у устья реки Кумары (современная Хумаэрхэ). Здесь 2 ноября они начали строить острог «стоячей», известный под названием Кумарского. Его сильно укрепили. По углам вывели быки, стены изнутри засыпали хрящом, сделали нижний и верхний «бои» для ружей и пушек. Выкопали «колодезь» глубиной в шесть саженей, поставили козлы железные для освещения (зажигали смолу), кадки для кипятка против «навального приступа». Вокруг острога вырыли ров глубиной в сажень и шириной в две сажени. За рвом вбили в землю «чеснок» в два ряда — первый деревянный, второй железный.

И вдруг днем 13 (23) марта 1655 года острог окружило десятитысячное маньчжурское войско с разноцветными знаменами. Маньчжуры были хорошо вооружены, имели пушки, пищали и «всякие приступные мудрости», но взять острог штурмом они не смогли, хотя и держали его в осаде три недели. «Богдойцы» неоднократно били по острогу из пушек, пускали «огненные заряды для зажегу», подходили к укреплениям на диковинных телегах со щитами, лестницами, баграми железными, со смолой и соломой. И все же в кон-

це концов огромное войско, которым командовал фудутун Минъандали, было вынуждено отступить в район Мукдена.

Память о героическом кумарском «осадном сидении» долго жила в Сибири, переходя из поколения в поколение потомков отважных амурских казаков. Как и ачанская победа, успешная оборона Кумарского острога навсегда вошла в историю ратного искусства России.

Отразив нашествие «богдойцев», казаки закрепились в Кумарском остроге. Здесь они провели зимы 1655/56, 1656/57 и 1657/58 годов. Летом на судах ходили вверх и вниз по Амуру, Сунгари и Уссури, взяв ясак.

И в эти годы на Амур двинулись сотни русских людей. «Поход в Приамурье Е. Хабарова, действовавшего по официальному наказу якутского воеводы Д. Францбекова, — пишет современный советский исследователь В. А. Александров, — способствовал массовому переселению на Амур русского населения из Енисейского, Красноярского, Илимского и Якутского уездов, которое приняло систематический характер... О массовом характере переселенческого движения свидетельствуют данные 1655 г., когда после народного восстания в Прибайкалье на Амур ушло более 300 промышленных и гулящих людей, крестьян и служилых людей»¹. Перечень этих «уходов» можно было бы продолжить, однако мы просто сошлемся здесь на сибирского историка П. А. Словцова, который «на основании не сохранившихся до нас сведений считал, что на протяжении 50-х годов на Амур ушло по меньшей мере полторы тысячи человек»². С каждым годом Приамур-

¹ Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969, с. 13.

² Там же.

рье все увереннее обживалось русскими людьми, нашедшими здесь вторую родину. В 1656 г. в Нерчинске обосновался А. Ф. Пашков, назначенный воеводой в Приамурье, и, таким образом, Нерчинск стал центром нового обширного воеводства.

Однако летом 1658 года отряд О. Степанова Кузнецца, возвращаясь после зимовки в нижнеамурском Куминском острожке «вверх по Амуру реке в судех для государева ясачного збору и для проведыванья воеводы Офонася Пашкова», был остановлен ниже устья Сунгари, у Корчеевской луки, маньчжурской флотилией «в 47 бусах с вогняным боем, с пушками и с пищальми». В завязавшемся сражении погибли О. Степанов Кузнец и 270 его соратников. Спаслись лишь 95 казаков, сплывших вниз по Амуру «к морю», да 180 служилых людей во главе с Климом Ивановым, посланных накануне в разведку. Но до Якутска, Нерчинска и Илимска добралось всего около двухсот человек.

И все же после разгрома отряда О. Степанова Кузнецца положение в Приамурье отнюдь не изменилось в пользу маньчжуров. Как справедливо писал академик А. Л. Нарочницкий, в результате походов Хабарова и Степанова «весь Амур до Татарского пролива и земли к востоку от Аргуни до Большого Хингана вошли в российские владения», а «ясак взимался до самого моря»¹.

Это никак не устраивало маньчжурских правителей Китая. Будучи не в силах вытеснить русских с Амура, они задумали лишить их продовольствия и ясака, приступив к насильственному переселению коренных жителей в долины рек Хурхи и Нонни. В 1654 году маньчжурские военачальники угнали значительную часть дауров, в 1656 году — гоголей и дючеров. Но вы-

¹ Нарочницкий А. Л. и др. Международные отношения на Дальнем Востоке, кн. 1. М., 1973, с. 17—18.

селить всех аборигенов со Среднего Амура им не удалось, хотя «богдойцы» крайне жестоко обращались с ними, «житла и юрты» дотла сжигали и разоряли¹.

Дауры, гоголи и дючеры терпели лишения на чужбине, и, не выдержав притеснений маньчжурских властей, при первой же возможности возвращались в родные места. Так, например, поступил эвенкийский «князец» Гантимур, прикочевавший на Шилку со всем своим родом. Он вновь принял российское подданство, и ему был дарован княжеский титул². «Историческая роль Русского государства на Дальнем Востоке в этот период заключалась в том, что оно защитило народы Приамурья от маньчжурского разбоя и дальнейшего насильственного сгона с родных мест»³.

В МОСКВЕ

Д. И. Зиновьев устье реки Зеи оставил в середине сентября 1653 года, но зиму провел на Тугирском волоке и оттуда продолжал посылать разные указания О. Степанову Кузнецу на Амур. Перевалив через Становик, он спустился по реке Олекме, потом поднялся по Лене до устья Куты и оттуда через Ленский волок попал в Илимский острог. Далее Зиновьев следовал по Сибирскому тракту через Енисейск.

Ерофея Хабарова Дмитрий Зиновьев вез в Москву

¹ДАИ, т. 4, с. 80—83.

² См.; Мясликов В. С. Становление связей Русского государства с Китаем. — В кн.; Русско-китайские отношения в XVII веке, т. 1, с. 15—16.

³ Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.), с. 99.

под надзором. В пути всячески его притеснял — бил и наносил оскорбления. Отобрал и все его пожитки, стоимостью около полутора тысяч рублей.

С тяжелыми думами ехал в Москву Хабаров. По прибытии в Енисейский острог он пробовал было искать защиты у воеводы Афанасия Пашкова: 2 июня 1654 года подал ему челобитную с жалобой на самоуправство Дмитрия Зиновьева. Но что мог сделать провинциальный воевода с московским дворянином, посланным самим правительством? На последнем этапе пути Хабарова везли под конвоем и даже надели на него «смыки» (род кандалов), поскольку Зиновьев опасался побега.

В столичный город Москву прибыли 12 декабря 1654 года¹. Ерофей Хабаров был доставлен в Сибирский приказ — высший правительственный орган, ведавший делами Сибири. Там же Зиновьев отчитался о своей поездке перед боярином и князем Алексеем Никитичем Трубецким и дьяком Григорием Протопоповым, доложил о присоединении Приамурья к России, рассказал о делах даурских и, сгущая краски, в темном свете представил результаты деятельности Хабарова на Амуре.

Однако Ерофей Хабаров был не из тех, кто мог бы довольствоваться бессильными стенаниями в ответ на черную кривду. Он подал встречную жалобу на самого Зиновьева, обвинив его в самоуправстве, грабеже и вымогательствах, и предъявил властям опись своих вещей, отобранных у него Зиновьевым. Так началась тяжба, и Сибирский приказ приступил к разбору дела.

Тем временем Ерофей Хабаров, по его словам, жил в нужде и бедности: «а ныне я на Москве от Дмитрия Зиновьева изувечен и меж двор скитаюся и за бедно-

¹ См.: Русско-китайские отношения в XVII веке, т. 1, с. 200.

стью голодом помираю»¹, — сетовал он. К счастью, Сибирский приказ довольно быстро разобрался в существе дела и объявил тяжущимся сторонам свою волю. По приговору, вынесенному 12 июня 1655 года и объявленному 13 числа того же месяца, Дмитрию Зиновьеву надлежало возвратить Ерофею Хабарову отнятое имущество. Дмитрий Зиновьев, гласил указ, за непомерное самоуправство заслуживает жестокого наказания, но освобождается от него по указанию самого царя. Зиновьев возвращал вещи Хабарову частями, пытаясь все-таки кое-что присвоить. По этому поводу возникали ссоры, которые прекратились только в сентябре, когда Ерофей Хабаров объявил, что он примирился с Дмитрием Зиновьевым и отказался от спорной «рухляди».

В июне 1655 года Ерофей Павлович обратился к царю Алексею Михайловичу с обширной челобитной. Перечислив все свои службы на Лене и Амуре, а также перенесенные им тяготы и лишения, Хабаров особо подчеркивал, что ясак, собранный им в Даурской, Дючерской, Ачанской и Гиляцкой землях, равно как и аманаты, доставлен государю в Москву. Челобитная заканчивалась такими словами: «Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, за мои службишка поверстать, в какой чин я, холоп твой, пригожуся; и службам моим под сею челобитною роспись и за подъем... и за хлеб вели, государь, из своей государеве казны денег дать, что ты, государь, укажешь, чтоб мне, бедному и изувеченному, за бедностью ныне на Москве голодом не помереть и вконец не погинуть. Царь государь, смилуйся, пожалуй»².

¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 344, л. 77—80

² Там же, л. 77.

«Царь-государь» уважил просьбу старого землепроходца лишь частично: денежного жалованья ему дано не было, но за многолетнюю службу Ерофей Павлович был повышен в чине и получил звание сына боярского по Илимскому списку. Дети боярские в XVII веке представляли собой привилегированный слой служилых людей в сибирских городах. Они выполняли наиболее ответственные поручения и получали денежный, хлебный и соляной оклады в размере, значительно превышающем оклады рядовых казаков, десятников, пятидесятников и сотников. Вместе с тем правительство, очевидно, приняло во внимание челобитную недовольных Хабаровым участников амурского похода, а также огромную по тем временам сумму сделанных им долгов, и распорядилось впредь не допускать его на Амур. Грамоты с соответствующими указаниями ушли в сибирские города.

Ерофей Павлович Хабаров должен был возвратиться на Лену, в Илимский уезд, и работать там в качестве приказчика приленских крестьянских деревень, раскинувшихся от устья Куты до Чечуя¹.

Есть сведения, что Хабаров выехал из центральной части России в Илимский уезд в 1658 году. Если это соответствует действительности, то неизвестно, где он провел время с конца 1655 года — в Москве или в своем родном уезде. Вероятнее всего, он жил дома, в Устюжне.

Попутно отметим, что привезенные в Москву «для роспросу даурские и дючерские и гиляцкие люди Анай с товарищи», 7 человек, «да женка и девка» в Москве были приняты хорошо, «царским жалованьем пожалованы» и отпущены в свои земли с енисейским слу-

¹ Чулков Н. П. Ерофей Павлов Хабаров, добытчик и прибыльщик XVII в., с. 170.

жилым человеком Константином Ивановым, одним из «супротивников» Хабарова, и амурским казаком Гаврилой Шипуновым¹.

СНОВА НА ЛЕНЕ

По прибытии в Илимский острог сын боярский Ерофей Павлович Хабаров был поверстан на службу и внесен в окладную книгу. Годовой оклад его жалованья составлял 48 пудов овса, 3 пуда соли и около 10 рублей денег².

Илимский воевода вновь прибывшего сына боярского направил в Усть-Киренскую волость в качестве приказного человека. Так Ерофей Хабаров возвратился в хорошо знакомые ему места, покинутые им в 1649 году. За минувшие десять лет здесь произошло немало перемен. В волости резко возросла численность русского населения. Одних только крестьянских дворов стало около семидесяти, не говоря уже о дворах промышленных, торговых, посадских и прочего звания людей. Сам Усть-Киренский острожек, центр волости, Хабаров едва узнал. Выросли новые башни, амбары, казенные житницы. За острожком на посаде поднялся большой гостиный двор, окруженный лавками «с разборами».

Острожек этот стал резиденцией государева человека Ерофея Павлова сына Хабарова, имевшего на руках «наказную память» илимского воеводы. Согласно этой «памяти», он как приказчик обязан был призывать

¹ Русско-китайские отношения в XVII веке, т. 1, с. 203.

² См.: ЦГАДА, Сибирский приказ, окладные книги 1660 и 1661 гг. (кн. 420, л. 134, 286 об.).

и устраивать на пашню «гулящих людей», наблюдать за своевременным посевом и уборкой урожая, собирать «с прибавкой перед прежним» казенный хлеб и сохранять его без потерь, добиваться аккуратного выполнения крестьянами повинностей (трудовых, натуральных). Кроме того, Хабаров обязан был «досмотреть пашенных крестьян», «надзирать почасту, чтоб крестьяне пашню пахали против окладу сполна и с пашни никуда не бегали и пашен впусте не покидали», смотреть, чтобы они «зернюю и карты не играли, и б...ни и корчмы не держали», а также, чтоб они «жили меж себя в любви бессорно и друг друга не обидели», не допускать «воровских бунтов и кругов и драк и убойств».

Были обязанности и полицейского, и судебного характера. Участников «воровских бунтов и кругов и драк и убойств» Хабаров должен был арестовывать и, склав, отправлять в канцелярию илимского воеводы. Челобитные «в обидах, и в разоренье, и в драки, и в бою, и в увече, и в иных обидах» надлежало разбирать, допрашивать тяжущиеся стороны и свидетелей, результаты следствия посылать в воеводскую канцелярию для вершения дела. В случае обнаружения незаконной торговли вином и табаком Ерофей Хабаров должен был описывать «на роспись без остатку» все имущество виновных, а «винокуренные курени разорить и пожечь». Мелкие дела подлежали решению самого приказчика. Он обязан был «чинить крестьянам наказанье смотря по их винам, бить батоги нещадно». В компетенцию Ерофея Хабарова входил и разбор гражданских, исковых дел в пределах пяти рублей.

Из изложенного видно, что полномочия Ерофея Хабарова как приказчика были обширными; он имел помощников, выделенных крестьянами из своей среды, — старост, целовальников, десятских.

Оклад за свою службу Ерофей Хабаров вначале получал натурой. Это его, однако, не удовлетворяло, и он вскоре взамен хлебного жалования получил разрешение пахать пашню¹. Это был случай редкостный, так как хорошо оплачиваемые дети боярские не занимались хлебопашеством: нужды для этого не было. Например, из 12 детей боярских, состоявших в 1665 году на службе в Илимском уезде, имели пашни только двое, в том числе и «сын боярский Ярофей Павлов сын Хабаров».

Многое пережил в своей жизни Хабаров. В период, когда он устраивал жизнь Ленского края, его притеснял грозный Петр Головин. Амурская же экспедиция принесла ему новое разочарование — вместо славы и наград он получил побои, оскорбления. Он служил Русскому государству, немалый ясак, собранный им и его соратниками с амурских племен, обогатил царскую казну, он ознакомил с новым богатым краем не только Якутск, но и Москву. Тем не менее, как это ни странно, на нем висели огромные долги за «государевы товары, за ссуду, за судовые снасти, за холсты и за сукна, за пушки», взятые им в Якутском остроге для амурского похода. Тяжелым бременем легли эти долги на плечи Ерофея Хабарова: шутка ли, с него требовали четыре тысячи восемьсот пятьдесят рублей два алтына!²

Расплатиться с казной было непросто. В 1660 году в зачет амурского долга Хабаров отдал «мельницу колесную», находившуюся в соседней Чечуйской волости, и 108 соболей³, однако это было каплей в море. По-

¹ Уже в окладной книге 1662 года говорится: «сын боярский Ярофей Павлов сын Хабаров пашет пашню» (кн. 420, л. 472).

² См.: ЦГАДА, Якутская приказная изба, опись 1, стб. 191, л. 81.

³ Там же.

этому в том же 1660 году якутский воевода Иван Федорович Большой Голенищев-Кутузов, снесшись с илимским воеводой, арестовал Хабарова и доставил его в Якутский острог. Ерофей Павлович слезно просил воеводу отпустить его в Илимский острог для отыскания поручителей, т. е. таких лиц, которые бы согласились нести ответственность за несвоевременную уплату Хабаровым казенных долгов. Просьба эта была уважена, старого землепроходца отпустили в Илимский острог, но «за приставом», в сопровождении служилых людей. В случае ненахождения поручителей Ерофей Павлович подлежал обратной высылке в Якутский острог, также «за приставом»¹.

Будучи человеком известным, со связями, Хабаров легко нашел поручителей и вернулся в Усть-Киренскую слободу, где и прожил еще несколько лет.

Наряду с земледелием он занимался и промыслами, отпуская в тайгу покрученников. Сравнительно большое хозяйство давало значительный доход. Бывалый землепроходец снова почувствовал силу и стал строить смелые планы на будущее.

ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА ВЕРНУТЬСЯ В ПРИАМУРЬЕ

После отъезда Хабарова дела в Даурии шли своим чередом. От имени Русского государства тамошними делами до образования Нерчивского воеводства правил Онуфрий Степанов Кузнец. Из Сибирского приказа именно ему шли «наказные памяти» об управлении ясачным населением Даурии. Однако московское правительство сочло

¹ Там же, л. 81—84, 86.

нужным образовать в Приамурье особый уезд и в июне 1654 года издало указ о направлении на воеводство «на Амур-реку» Афанасия Филипповича Пашкова, до этого являвшегося воеводой Енисейского уезда. Ему было поручено основать центр нового уезда в Албазине или другом месте, «где б не чаять приходу воинских богдойских людей»¹.

Но А. Ф. Пашков, ознакомившись с положением дел на месте, в 1656 году заложил новый острог на реке Нерче (приток Шилки), названный Нерчинским. Этот острог стал центром Нерчинского уезда, в состав которого, кроме Прибайкалья и Забайкалья, вскоре вошло и все Приамурье. Однако в 1682 году, ввиду обширности территории уезда, Приамурье было выделено в особый Албазинский уезд с центром в Албазинском остроге.

Тем временем открывалась новая страница в истории Приамурья. Дело в том, что уцелевшие сподвижники О. Степанова Кузнеця разнесли по разным градам и весям вести о богатствах Даурии. Их рассказы вызвали всеобщий интерес, и люди, возбужденные этими слухами, снова двинулись на Амур: они шли туда и в одиночку, и небольшими партиями. Среди них были люди «всяких чинов»: вольные казаки, охотники-промысловики, беглые крестьяне и посадские, «гуляющие люди».

Новую волну народного движения в Приамурье поднял ссыльный поляк Никифор Романович Черниговский. В 1638 году он в числе других военнопленных попал в Сибирь и был записан в службу сначала в Енисейске, потом в Илимске. В 1665 году Черниговский вместе с сыновьями и другими казаками возглавил восстание на

¹ Русско-китайские отношения в XVII веке, т. 1, с. 199 (см. комментарий В. С. Мясникова).

реке Киренге, казнил илимского воеводу Лаврентия Авдеевича Обухова и бежал на Амур. В пути к нему примкнуло много «охочих людей», и численность отряда достигла 84 человек. Восстановив и укрепив Албазинский острог в 1665 году, казаки стали «служить государю». В этой связи В. А. Александров справедливо замечает: «Однако как бы ни стремилось русское трудовое население избежать феодального гнета, оно отнюдь не собиралось выйти за границы российской государственности, поскольку район Албазина вошел в состав владений России еще во времена похода Хабарова»¹.

В Приамурье потянулись и другие русские из Енисейского, Илимского и Якутского уездов. Прежде всего пашенные, потом торговые и промышленные люди. Вскоре, в 70—80-х годах XVII века по левому берегу Амура, от слияния Шилки и Аргуни до устья Нижней Погромной реки, стояло более 20 русских слобод, деревень и заимок. В некоторых из них проживало до 80 крестьянских семей. Угожие земли быстро осваивались. К 80-м годам в Албазинском уезде проживало до 500 крестьян и несколько сот промышленников и «гулящих людей». В 1685 году здесь засевали более тысячи десятин пашни. Урожаи были хорошие. Уезд обеспечивал себя хлебом и даже вывозил излишки в Забайкалье.

Одновременно Черниговский и последующие приказчики Албазинского острога вжимали ясак с населения Среднего Амура, Зеи и Буреи. На Зее было поставлено несколько острогов.

И вот эти бурные события, особенно уход Никифора Черниговского «в Дауры», всколыхнули в душе Еро-

¹ См.: Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.), с. 25.

фея Хабарова старые мечты и надежды. Был он и крестьянином, и промышленным, и торговым, и приказным человеком, но в душе остался прежде всего землепроходцем. Хабаров решил покинуть насиженное место и вернуться на «свою» реку. Но для этого требовалось, чтобы власти отменили решение о недопущении его на Амур. Нужно было ехать в Тобольск и Москву.

Готовясь в дальний путь, Ерофей Павлович 11 ноября 1665 года передал Усть-Киренскому Троицкому монастырю, основанному в 1663 году, мельницу «против Усть-Киренского Никольского погоста за Леною рекою на речке Тихтилячихе», с тем, однако, условием, чтобы свой хлеб он молот на ней «безденежно» и чтобы монастырь после смерти Хабарова записал его в свою «литою и синодик» и поминал «вечным помином». А 25 июня 1667 года Хабаров завещал после своей смерти тому же монастырю и Усть-Киренскую заимку, за исключением «медной посуды и железного заводу, скота». Старцы, в свою очередь, обещали помянуть «душу его, Ярофееву, жены Василисы и родителей», постричь у себя в монастыре пять нищих, убогих людей¹.

По этому поводу в переписной книге Усть-Киренского Троицкого монастыря от 1679 года сказано следующее: «Во 175-м году приложил илимский сын боярский Ярофей Хабаров на Усть-Киренги реки в монастырь пресвятая и живоначальные Троицы заимку свою и мельницу на Лене реке. И на тое свою заимку и мельницу он, Ярофей, в Троицкой монастырь и поступную дал за своею рукою, что после ево, Ярофеевы, смерти тою ево, Ярофеевскою, заимкою владеть Троицкого монастыря вкладчиком и старцам». В заимке было 18 де-

¹ См.: Полевой Б. П. Последняя поездка Ярофея Хабарова в Москву. — «Дальний Восток», 1982, № 8, с. 140—141.

сятин пахотных земель, сенокосов «по логом около кустов и озерок копен на двести», скотинного выпуска «на кочках и на мокрых болотных местах десятины на две»¹.

Чтобы получить возможность выехать в Тобольск и Москву, Ерофей Хабаров в начале 1667 года вызвался лично доставить в столицу годовую илимскую казну — пушнину и документы о сборе ясака, хлебных запасах, пахотных землях и т. д. Выехал он в Тобольск летом и прибыл туда осенью того же 1667 года, когда под руководством воеводы Петра Ивановича Годунова велись работы по составлению первого «Чертежа всей Сибири». Наряду со «всяких чинов бывалыми людьми» был опрошен и Ерофей Павлович. «В результате была создана новая серия маршрутных чертежей»² 15 ноября Годунов утвердил первый сибирский атлас и поблагодарил Хабарова за ценные сведения о верховьях Лены и Амуре. И в этот момент Ерофей Павлович подал воеводе челобитную.

Старый землепроходец просил власть отпустить его на Амур «для городской и острожных поставок и для поселения и хлебных пахот»³ Причем обещал поднять «на своих проторех сто человек и на своих судах и [с] хлебными запасами». Однако на эту просьбу, к великому огорчению Хабарова, Годунов ответил отказом. Он не решился нарушить правительственный запрет в отношении бывшего «приказного человека» Даурии. Учитывал воевода и особенности дальневосточной по-

¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 686, л. 130—131.

² Копылов А. И., Полевой Б. П. Землепроходцы XVII в. и изучение Сибири. — Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). Новосибирск, 1968, с. 30.

³ Чулков Н. П. Ерофей Павлович Хабаров, добытчик и прибыльщик XVII в., с. 190; Полевой Б. П. Последняя поездка Ярофея Хабарова в Москву, с. 141—142.

литики Москвы, с одной стороны, опасавшейся обезлюдения районов Восточной Сибири, откуда самовольно уходило на Амур «тяглое» население, а с другой — фактически поощрявшей освоение земель Приамурья вольными русскими переселенцами.

Сын боярский Ерофей Павлович Хабаров к этой категории переселенцев не относился. Кроме того, его возвращение на Амур явилось бы в Сибири событием заметным, могло бы усилить отток сибиряков «в Дауры». Кстати, в 1674 году на Тугирском волоке была восстановлена застава, преградившая путь вольным амурским переселенцам.

П. И. Годунов, благодарный заслуженному землепроходцу за помощь в составлении первого сибирского атласа, все же порекомендовал ему лично отправиться в Москву и там ходатайствовать о своем деле. Выехал Е. П. Хабаров в столицу 26 ноября 1667 года вместе с сыном боярским Давыдом Бурцевым, повезшим с собой «Чертеж всей Сибири» с «росписью». Прибыв в Москву 3 января 1668 года, Ерофей Павлович до середины февраля был занят передачей илимской казны и документов Сибирскому приказу. За исправную доставку казны он получил повышенное жалованье и проездные до Лены. Но, обласкав ветерана, московские политики подтвердили свой запрет¹, и Хабаров ни с чем вернулся на Лену, в Киренск.

Мы можем только догадываться, как был опечален Ерофей Павлович крушением своей мечты вновь увидеть Амур, но уверены, что унынию он не предавался, вел жизнь бодрую и деятельную. И так — до своего последнего дня.

Однако читатель вправе спросить: а как же сложи-

¹ См.: Полевой Б. П. Последняя поездка Ярофея Хабарова в Москву, с. 142.

лась семейная жизнь знаменитого землепроходца? Вернемся на четверть века назад.

Находясь в тюрьме Якутского острога в 1643—1645 годах, Ерофей Павлович обратился в Москву с просьбой отпустить его в Сольвычегодск, к «домишку своему». Каким-то образом он узнал, что жена его «стоит на правеже», так как до сих пор не расплатилась с долгами, сделанными им еще при отъезде на Лену. Он хотел «женишку свое и детишка с правежу от своих долгов освободить». В ответ на эту челобитную 16 июля 1645 года из Сибирского приказа от имени боярина и князя Никиты Ивановича Одоевского была послана грамота в Якутск о разрешении Ерофею Хабарову выехать на родину¹.

Около 1650 года Хабаров обращается с новой челобитной в Москву, где пишет, что он на великой реке Лене живет «лет з двадцать, а женишка моя Василиска з дочеришкою моею и со внуком и с племянницею живут на Устюге без приюту». Он просит власть отпустить их к нему в Якутский острог².

Хотя мы и не имеем каких-либо сведений об ответе Москвы, однако можем предположить, что челобитные Хабарова остались без последствий. Грамота Сибирского приказа в Якутск пришла, вероятно, в 1646 году. А в 1649 году начался первый амурский поход Хабарова. Челобитная же 1650 года могла дойти до Москвы где-то в 1651 году, ответ же на нее получили на Лене, вероятно, уже в следующем году. Но в 1653 году Е. П. Хабаров выехал в Москву с Д. И. Зиновьевым прямо с Амура.

Таким образом, вероятнее всего, что Ерофею Павловичу в Усть-Киренской волости жил один, без семьи.

¹ См.: ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 136, л. 931, л. 931—932, 936-938.

² Там же, стб. 381, л. 92.

Исчез он отсюда между 1667 и 1671 годами. Это устанавливается точно. В Илимской окладной книге 1665 года Е. П. Хабаров числился в детях боярских и взамен хлебного жалованья пахал пашню¹. К сожалению, книги за последующие пять лет в фондах Сибирского приказа (ЦГАДА) не сохранились. Но из челобитной Е. П. Хабарова на имя П. И. Годунова мы знаем, что в 1667 году он выехал в Тобольск и затем в Москву, откуда вернулся на Лену в 1668 году. А вот дальше — полная неизвестность. В окладной книге 1671-го и последующих годов Ерофей Павлович уже не упоминается.

Однако вопрос прояснился в самое последнее время. Б. П. Полевой документально установил, что Хабаров умер в начале 1671 года в своей деревне Хабаровке, вблизи Киренска. Ему тогда было под семьдесят. От него остался сын Андрей, проживший всю жизнь в Илимском уезде и числившийся «илимским посадским» человеком. Однако в 1690 году его («Андрея Ярофеева сына Хабарова») за службу отца поверстали в дети боярские. В этом чине он служил до 1694 года, когда снова был «справлен по прежнему в посад»³.

Мы не знаем, «законный» ли это сын Ерофея Павловича. Вполне возможно, что он был прижит вне брака и в последующем усыновлен.

Ныне поставлен вопрос о месте захоронения Ерофея Павловича Хабарова. Осенью 1981 года хабаровские кинолюбители вблизи города Нерчинска, на кладбище села Калинино (в прошлом Монастырище), обнаружили могильную плиту с хорошо различимой надписью: «Ерофей Павлович». Но слово «Хабаров» прочи-

¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 480, л. 131.

² См.: там же, кн. 595.

³ См. там же, кн. 975, л. 4—6; 1097, л. 194; 1109, л. 77.

тывалось плохо, была хорошо видна лишь первая буква и некоторые другие. Эта весьма интересная находка воодушевила энтузиастов, они сняли небольшой фильм «По следам Ерофея Хабарова» и выступили в печати¹.

По их словам, старожилы забайкальского села Калинино хранят предание о том, что Ерофей Павлович Хабаров последние годы жизни якобы провел в одной из келий местного монастыря и был погребен на сельском кладбище. В то же время хабаровские кинолюбители признают, что их находка не дает оснований утверждать, будто удалось установить место захоронения знаменитого землепроходца, что нужен научный поиск.

Теперь этот вопрос можно считать, пожалуй, решенным. Ерофей Павлович Хабаров умер на Лене, в районе Киренска, в своей заимке. По словам Б. П. Полевого, он в районе Нерчинска «никогда не был за всю свою богатую приключениями жизнь».

Следует сказать несколько слов и о попытках архивизировать написание имени Ерофея Павловича Хабарова. Видимо, все же следует писать не «Ярофей», а «Ерофей». В XVII веке не было строго принятой транскрипции имянослов. Поэтому и писали: Василий — Василей, Владимир — Володимер и т. д. У нас нет никаких достоверных данных, которые позволили бы согласиться с утверждением Б. П. Полевого, будто Хабаров называл себя именно Ярофеем. Мы просто не можем знать, как он себя называл.

Имеются и другие неясные вопросы. Но нам известно самое главное — деятельность землепроходца и землепашца Ерофея Павловича Хабарова в годы его активной жизненной поры. Она и показана в настоящей работе.

¹ См.; Чернявский А. По следам Хабарова. — «Тихоокеанская звезда», 1981, 1 дек.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ерофей Павлович Хабаров по обыкновению той поры имел прозвище. Иногда о нем писали: «Ярофей Павлов сын Хабаров-Святитской»¹. Был он, вероятно, малограмотным, а то и вовсе неграмотным. На обороте его челобитной от 1642 года имеется приписка: «К сей челобитной вместо Ярофийка Павлова по его велению ленской стрелец Ивашко Микитин руку приложил»². Не исключено, однако, что позднее Ерофей Павлович грамотой все же овладел.

Но этот крестьянский сын обладал пытливым умом, незаурядным трудолюбием и несокрушимым оптимизмом. Его знали и ценили многие современники-сибиряки. Именно поэтому, как мы уже писали, в 1690 году сын его Андрей был поверстан в дети боярские по Илимскому списку. Деревня, выросшая на месте хабаровской заимки близ устья Киренги, называлась Хабарово. И когда в мае 1858 года, спустя почти два века после смерти Е. П. Хабарова, солдаты 13-го Восточносибирского линейного батальона во главе с капитаном Я. В. Дьяченко заложили на берегу Амура военный пост, они назвали его Хабаровкой. В 1880 году селение Хабаровка получило уже ранг города, который позднее стал официально именоваться Хабаровском³ и ныне отмечает свое 125-летие.

Ерофей Павлович Хабаров занимает видное место в историче-

¹ Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. — Научные труды, т. 3, ч. 1, М., 1955, с. 155.

² ЦГАДА. Якутская приказная изба, оп. 1, стб. 31, л. 41.

³ Чернышев В. И, Хабаровск. Хабаровск, 1958, с. 4, 6, 7.

ской литературе. О нем писали еще дореволюционные исследователи, а ныне пишут советские историки, этнографы, писатели, журналисты. Более ста лет на Амуре разыскивают остатки Ачанского города, в котором он зимовал в 1651/52 году¹.

Имя Ерофея Павловича Хабарова не забыто. Оно живет в исторических документах, трудах исследователей и писателей, названиях населенных пунктов и улиц, в памяти народа. Любопытно, что многие якуты — жители северных районов Якутской АССР носят фамилию Хабаров. Их предки восприняли ее, должно быть, в первые годы крещения якутов, еще в XVIII веке.

Да, многое совершил этот выдающийся русский землепроходец. На Амуре все началось с него. Он первым поставил вопрос об исследовании только что открытого края, о присоединении его к России. Получив поддержку правительства, набрал «охочих люден», одел, обул, вооружил их на свои средства и сам повел их на Амур. Ходил по этой реке вниз и вверх вначале как атаман вольной ватаги, радея в то же время о государевом деле, потом, уже в звании «приказного человека», действовал от имени государства; взимал ясак с местного населения, приводил его под «царскую высокую руку».

После отъезда Е. П. Хабарова вместе с Д. И. Зиновьевым в Москву «приказным человеком» в Приамурье остался его сподвижник О. Степанов Кузнец. В итоге деятельности русских землепроходцев были образованы Нерчинский и Албазинский уезды Русского государства. Так дело, начатое ленским хлебопашцем, обрело большое государственное значение.

Однако цинские императоры, войска которых в 50-е годы неоднократно изгонялись из Приамурья, в 80-е годы XVII века пе-

¹ См.; Ма а к Р. Путешествие на Амур в 1855 г. СПб., 1859, отд. 1; Машуков И. Ерофей Павлович Хабаров. — «Дальний Восток», 1949, № 5; Р я б о в Н., Ш т е й н М. Не искажать историю! — «Дальний Восток», 1954, № 4; Д о л г и х Б. О. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам. — Сб. статей по истории Дальнего Востока, М., 1958; П о л е в о й Б. П. О местонахождении Ачанского городка, — «Советская археология», 1960, № 3, см. также Приложение, с. 107—110.

решили к крупномасштабной агрессии против русских поселений на Амуре.

Объектом цинской агрессии оказался форпост русских владений па Амуре Албазин, небольшой гарнизон которого в 1685, 1686 и 1687 годах героически сражался с многотысячным маньчжурским войском. Как известно, только под угрозой применения силы и физического уничтожения посольства Ф. А. Головина русские были вынуждены заключить Нерчинский договор. Во время переговоров маньчжуры, пытаясь хоть как-то обосновать свои территориальные притязания, даже утверждали, будто земли бассейна Амура некогда принадлежали Александру Македонскому, а цинские императоры якобы являются его наследниками. Однако вскоре после заключения договора Военный совет Цинской империи докладывал богдыхану Канси о том, что к его владениям отошли земли, «никогда раньше не принадлежавшие Китаю».

Земли Приамурья и Приморья были возвращены России мирным путем в 50—60-х годах XIX века — по Айгунскому (1858) и Пекинскому (1860) договорам. В этот период китайские правители стремились к улучшению отношений с Россией, видя в ней союзника в борьбе против экспансии западных держав, в 40—60-х годах XIX века навязавших Китаю условия неравноправных договоров и вынашивавших далеко идущие замыслы в отношении Сахалина и Амура.

Именно поэтому Китай сам был заинтересован в завершении русско-китайского территориального размежевания на Дальнем Востоке. Недаром в преамбуле Айгунского договора было записано: договор заключен «по общему согласию, ради большей вечной взаимной дружбы двух государств, для пользы их подданных». Цинский император, ознакомившись с текстом договора, заявил, что договор составлен с «должным вниманием» и следует «исполнять все, что в этом договоре постановлено»!. Русско-китайская

¹ См.: Рябов Н. И., Штейн М. Г. Очерки истории русского Дальнего Востока: XVII — начало XX века. Хабаровск, 1958; Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 г. М., 1958; Кабанов П. И. Амурский вопрос. Благовещенск, 1959;

граница, установленная в 1858—1860 годах мирным путем, без единого выстрела, длительное время была границей добрососедства и мира между двумя великими державами. Такой она должна быть и впредь.

Хабаровск за годы Советской власти превратился в крупный индустриальный, научный и культурный центр огромного края, также носящего имя Ерофея Павловича Хабарова.

«Дальний Восток осваивался трудом многих поколений русских людей. Это исконно русская земля, край героической истории нашего народа...» — подчеркивается в приветствии ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР трудящимся советского Дальнего Востока, воинам-дальневосточникам и морякам Краснознаменного Тихоокеанского флота в связи с 60-летием освобождения Дальневосточного края от белогвардейцев и интервентов¹.

В достижениях трудящихся Хабаровского края есть изрядная доля и малых народов Приамурья, в кратчайший исторический срок прошедших путь от отсталости к прогрессу, от патриархально-родового строя к социализму.

Дружба советских народов — величайшее достижение социализма, источник нашего могущества. Плечом к плечу с потомками сподвижников Е. П. Хабарова и О. Степанова Кузнецца участвуют в дальнейшем преобразовании Приамурья нанайцы, ульчи, удэгейцы, нивхи, орочи, эвены и эвенки, предки которых еще в XVII веке, приняв русское подданство, соединили свою судьбу с судьбой русского народа. Ныне их братьями стали все большие и малые народы великого Советского Союза.

Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах. М., 1969, главы 3, 4, 5; Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974; Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980 и др.

¹«Правда», 1982, 23 окт.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, СОДЕРЖАЩИЕ СВЕДЕНИЯ О Е. П. ХАБАРОВЕ

№ 1. 1611 г. февраля 4. — Наказ якутских воевод Петра Головина и Матвея Глебова торговому человеку Ерофею Хабарову об оставлении им усть-кутской пашни

149 г., февраля в 4-й день. В съезжей избе [Илимского острога] стольники и воеводы Петр Петрович Головин да Матвей Богданович Глебов да дьяк Еуфимей Филатов говорили торговому человеку Ерофейку Павлову, что де ты по челобитию своему пашни пашню на Киренги, а льготы де тебе на год.

И Ярофейко сказал, что де ему так пахать не уметь. Да ему же сказано, что он сеел в прошлом во 148-м году на Куте реке рожь и с тое ржи довелось было взять на государя по опыту ево десятой сто тридцать пуд и тот ему десятой ныне хлеб отдадут, а он бы на Киренге на государя с первого года пахал десятину, а семена на ту десятину государевы имал по вся годы. И ему, Ярофейку, говорили, чтоб он сел на Киренге и пахал на государя и взял бы ссуды против промышленного человека Пантелейка Плотника тридцать рублей на лошадь и на сошники и на серпы и на косу не в отдачу за тридцать рублей взаимы.

ЦГАДА, Якутская приказная изба, оп. 2, стб. 24, л. 53.

№ 2. 1641 г. февраля 10. — Челобитная торгового человека Ерофея Хабарова об отпуске его промышленного человека Семена Подболоцкого в Енисейский острог за промышленными людьми

Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичу [т.] всеа Руси бьет челом твой государев сирота торговый человек Устюга Великого Ярофейка Павлов Хабаров.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй, государь, меня, сироту своего, вели, государь, мне, Ярофейку, отпустить в Енисейский острог промышленного человека Семейку Максимова Подболоцкого для промышленных людей на великую реку Лену. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 149 год, февраля в 10-й день. Отпущен с Ленского волоку, а товаров с ни ч никаких нет.

Там же, оп. 1, стб. 14, л. 753.

№ 3. 1642 г. мая 31. — Исковая челобитная торгового человека Ерофея Хабарова на 600 пудов ржаной муки от торгового человека Ивана Сверчкова

Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичу [г.] бьет челом сирота твой, торговый человек Яро Павлов сын Хабаров.

Жалоба, государь, мне на торгового же человека на Ивана Сверчкова. Взяти, государь, мне на нем, Иване, по кабале шестьсот пуд муки ржаной, а срок, государь, кабале прошел, а он, Иван, тое мне муки не платит, манит со дня на день.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, дата на того Ивана по той кабале свои царский суд и управу. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

На обороте помета: 150 год, мая в 31 день. По сей челобитной заимчик винился, велено доправить шестьсот пуд муки ржаной.

Там же, стб. 31, л. 30.

№ 4. 1642 г. июля 31. — Исковая челобитная торгового человека Ерофея Хабарова на 32 рубля от торгового человека Ивана Сверчкова

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу [г.] бьет челом сирота твой, государь, торговый человек Ярофейко Павлов Хабаров. Взять, государь, мне по кабале на торговом человеке на Ивана Никонове Сверчкове тридцать два рубля денег. И он, Иван, мне по той кабале денег не платит, а срок той кабале прошел.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович [т.], пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, мне на него, Ивана, по той кабале дать свой царский суд и управу...

На обороте помета: 150 год, июля в 13-й день. Ответчик Иван Сверчков по кабале винился, а кабала в суду с ведамо сыну боярскому Василию Власьеву да пятидесятнику Богдану Ленивцеву.

Там же, Якутская приказная изба, оп. 1, стб. 31, л. 1.

№ 5. 1642 г. июля 13. — Исковая челобитная торгового человека Ерофея Хабарова на 8 рублей от Никиты Агапитова Ярославцева

Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичу [т.] бьет челом сирота твой, государь, торговый человек Ярофейка Павлов Хабаров. Взять, государь, мне по кабале на Миките Агапитове Ярославцеве восемь рублей денег. И он мне, Микита, по той кабале денег не платит, а срок той кабале прошел.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович [т.], пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, мне на него, Никиту, по той кабале дати свой царский суд и управу. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

На обороте помета: 150 год, июля в 13-й день. Ответчик Микитка Агапитов по кабале винился осми рублех, а кабала в суду с ведамо сыну боярскому Засилью Власьеву да пятидесятнику Богдану Ленивцеву.

Там же.

№ 6. Не позднее 1645 г. — Челобитная Ерофея Хабарова с жалобой на притеснения якутского воеводы Петра Головина и с просьбой разрешить ему выезд на родину для освобождения своей семьи от правежа

Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичу [т.] бьет челом сирота твой. Соли Вычегодские Ерофей Павлов сын Хабаров. Одолжался я, сирота твой, великими долги; ходил торговать в сибирские города и был я, сирота твой, в Сибире на великой реке Лене и отпуская для своих промыслишков ужины. Да я же, сирота твой, роспахал на Лене реке пашню на Усть-Киринги; а пахал, государь, тое пашню, наймующи дорогою ценою

своими крошишками для заводу, и роспахал земли шестьдесят десятин. А бил челом я тебе, государю, о той земле из десятого снопа* изо всякие десятины, и твой государев воевода Петр Головин взял с тое моей роспахной пашинишке пятую лутчую десятину** не против моего челобитья, как я, сирота твой, о той земле тебе, государю, бил челом из десятого снопа, для тово что тое пашню я завел вново и кляченка и наймитов наймовал самую дороую ценую.

Да воевода же, государь, Петр Головин взял у меня, сироты твоего, что я прежь сего роспахал, усолье Усть-Куты-реки з двором и с варницею на тебя, государя, и убытка, государь, мне, сироте твоему, учинил в той пашни и в варнице пятьсот рублев. А опрчь меня, сироты твоего, ништо заводу пашенного и варнищного не заваживали, а я, сирота твой, в том пашенном заводе от воеводы от Петра Головина налоги разорился и одолжал великими долги, и впредь мне, сироте твоему, тое пашинишки заводить нечем, розорил меня до конца и ныне, государь, меня, сироту твоего, держит у себя в Якутах, а то мое заводишко розорил.

А что у Соли Вычегоцкой домшишко мое без меня, сироты твоего, розорилось и женишка мое и детишко в долгах моих, что я займовал у Соли для своего промыслишку, стоят на правеже, и домшишко мое разорилось, и твоей государевы подати мне, сироте твоему, у Соли платить нечем, разорилось до основанья. А воевода Петр Головин меня из Якуцкого острогу не отпустил.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович [т.], пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, из Сибири с Лены меня отпустить к Русе, к Соли Вычегоцкой, к домшишку своему, чтоб мне в твоих государевых податех и в своих долгах расплатица, а женишку свое и детишка с правежу от своих долгов свободить. А в мое место вели, государь, на Лене быть у пашинишки братишку моему родному Микифорку Хабарову, покаместа я, сирота твой, долги свои оплачу, а женишко свое и детишка с правежу освобожу. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте первого листа помета: 153 г. июня в 20-й день. Приказал боярин князь Никита Иванович Одоевский дать государеву гра.тту на Лену к воеводам и к дьяку***. Будет до него, Ярофейка, никакова государева дела в Ленском Якуцком

* Из десятого снопа, — т. е. из снятого урожая сдать в казну десятую часть.

** Пятую лутчую десятину — т. е. пятую часть снятого урожая.

*** См. документ № 7.

остроге нет и держали его напрасно, а на пашне своей в оброке брата своего он оставит, и что с той его пашни у него. Ярофейка, указано мать. а брат ево то все на себя соимет и ево, Ярофейка, с Лены к Соли Вычегоцкой к жене и детям отпустить велеть. А за что ево Петр Головин в Якуцком остроге держал, а к Русе не отпустил, о том велеть отписать ко государю к Москве в Сибирский приказ.

Там же, Сибирский приказ, стб. 136, л. 931—932.

№ 7. 1645 г. июля 16. — Грамота Сибирского приказа якутским воеводам Василию Пушкину и Кириллу Супоневу о производстве сыска по челобитию Хабарова и о разрешении выезда ему на родину с условием оставления им своей пашни брату Никифору Хабарову

От царя и великого князя Олексея Михайловича [т.] а Сибирь на великую реку Лену воеводам нашим Василию Микитичю Пушкину да Кириллу Осиповичю Супоневу да дьяку нашему Петру Стенишину. Бил нам челом Соли Вычегоцкие Ерофейко Хабаров. [Далее идет изложение его челобитной.]

И будет так, как нам Ерофейко Хабаров бил челом, и как к вам ся наша грамота придет, а до Ерофейка Хабарова будет в Ленском остроге никакова нашего дела нет, и на пашню свою в оброке брата своего он оставит, и что с той ево пашни у него, Ерофейка, указано оброку имать, и тот оброк весь брат ево на себя соимет, а вы б ево, Ерофейка, с Лены из Якуцкого острогу к Соли Вычегоцкой отпустить велели.

А сколь давно и при котором воеводе ему, Ерофейку, та земля и варница дана из десятого ль или пятого снопа, и на сколько лет, и что у него с тое земли и иных каких оброков велено имать, и будет ему, Ерофейку, та земля дана из десятова снопа, и для чево Петр Головин у него, Ерофейка, с тое земли взял пятой сноп, а не десятой, и для чево у него те землю и варницу взял на нас и ево, Ерофейка, в Якуцком остроге держал и к Русе не отускал, и вы б о том отписали к нам к Москве подлинно, а отписку велеть подать о Сибирском приказе боярину нашему князю Никите Ивановичю Одоевскому да дьяку нашему Григорию Протопопову.

Писан на Москве лета 7153 года июля в 16-й день.

Там же. Сибирский приказ, стб. 136, л. 985—989.

№ 8. 1642 г. толя 17. — Челобитная торгового человека Ерофея Хабарова в том, что он получил полностью причитающийся с промышленного человека Тимофея Ущелемца долг в сумме 240 рублей и прекращает дело

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьет челом сирота твой, государь, торговой человек Ерофейка Павлов Хабаров. В прошлом, государь, во 149 году бил челом тебе, государю, а подавал челобитную в съезжей избе стольникам и воеводам Петру Петровичу Головину с товарищи по кабале на промышленного человека** на Тимофея Сергеевича Ущелемца в двухстах в сороки рублях. И та челобитная подписана была и послана на низ с ясаиным зборщиком служивым человеком с Курбатом Ивановым, и по той челобитной Курбат тово промышленного человека Тимофея Сергиева за порукою в Ленской острог поставил в съезжую избу перед стольника воеводу перед Петра Петровича Головина с товарищем, и по той кабале до меня, сироты твоего, от него, Тимофея, деньги все дошли, и по той кабале мне до него, Тимофея, дела нет.*

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, порушную запись на него, Тимофея, выдать. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте подпись: К сей челобитной вместо Ярофейка Павлова по его велению ленской стрелец Ивашко Микитин руку приложил.

На обороте же помета: 150 год, июля 17-й день. Подал челобитную торговой человек Ярко Павлов. А сказал: помирился с Тимошкой Ущылемцем и исцом де по той кабале не стоят. И по Тимошке была в Жиганех взята поручная запись, и та запись велено отдати, и отдана порушная.

Там же, Якутская приказная изба, оп. 1, стб. 31, л. 41.

* Съезжая изба — канцелярия воеводы.

** Промышленный человек — в Сибири XVII в. чаще всего охотник-промысловик.

Поясняем здесь и другие термины; *аманат* — заложник, взятый в плен в обеспечение исправного платежа ясака; *правеж* — принудительное взыскание долгов с ответчика; *чеснок* — частокол «против приступных мест»; *шерть* — клятва; *ясак* — дань; *ясырь* — пленники, добытые в результате военных действий.

№ 9. 1642 г. июля 25. — Исковая челобитная торгового человека Ерофея Хабарова на 200 рублей от торгового человека Дементия Кораблева

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси бьет челом сирота твой, торговый человек Ярофейка Павлов Хабаров. Жалоба, государь, мне на торгового человека на Дементья Гаврилова Кораблева. Взяти, государь, мне по кабале на Дементье двести рублей. И срок, государь, кабале прошол, и тот Дементей не платит неведомо за что и манит со дни на день.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, дать свой царский суд и управу на того Дементья. Царь государь, смилуйся!

*На о б о р о т е п о м е т а : 150 года, июля в 25-й день. По кабале суд был. А сказал заимщик: по кабале плачу...**

Там же, л. 56.

№ 10. 1648 г. июня 8. — Показания промышлен­ных людей по челобитью служилого человека Оксена Пысолова об отказе Ерофея Хабарова поселить около себя на пашню четырех ссыльных людей, направленных якутскими воеводами на Киренгу-реку

156 г., июня в 8-й день. В Якуцком остроге в съезжей избе перед воеводы - Василием Никитичем Пукиным да перед Кирилом Осиповичем Супоневым да перед дьяком Петром Стениным против челобитья служилого человека Оксенка Аникеева сына Пысолова промышленные люди Дмитрийко Иванов сын Вакорин, Якунка Дмитриев сын Прелковых Колмогорец, Васька Евсеев сын Устюжанин, Филка Орефьев, Олешка Семенов, Микитка Гаврилов, Ивашко Ермолин Важня, Ондрюшко Лукьянов Устюжанин допрашиваны по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси крестному целованью. В прошлом во 155 году по государеву указу и по наказной памяти служилой человек Оксенка Пысолов да с ни.ч ссыльных людей четыре человека з государевым семенным хлебом пришли к пашенному к Ярофейку Ха-

* Два слова не разобраны.

барову на заимку для селидьбы на пашню тех ссыльных людей. И тот Оксенко под государев хлеб у него, Ярофейка, анбара прошал ли, и Ярофейка ему анбара своего под государев хлеб не дал ли, и ево, Оксенка, бранил ли, и братьям своим и работникам ево ж, Оксенка, бить и в воду посадить велел ли, и те ево, Ярофейковы работники ево, Оксенка, по Яркову велению ослепем били ли и, только б он не увалился под гору, в воду бросить хотели ли, и он, Оксенко, от тех побои замертво долгое время лежал ли, и как по государеву указу товарищи ево, Оксенковы, Кондрашка Спицын да Якунка почали у него. Ярка, прошать под государев семенной хлеб и под черкасскую пахоту земли, и он, Ярофейко, государеву указу не послушал ли, тем служилым людем во всем отказал ли, и того говорил ли, что де у него московский указ, что де велено де ему, Ярофейку, самому на те пашни пашенных селить?

И промышленный человек Дмитрийко Иванов сын Вакорин Важенин в допросе сказал по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси крестному целованью: как де в прошлом во 155 году на Киренгу на Яркову заимку Хабарова служилой человек Оксенко Пысолов да с ним ссыльных пашенных черкас четыре человека на плотах приплыли, а он, Дмитрийко, в те поры на Киренге был; и как де Оксенко почал у него, Ярофейка, под государев семенной хлеб анбара просить, и Ярофейко де Хабаров Оксенко Пысолову анбара под государев семенной хлеб не дал и его, Оксенка, всякою бранью и матерны лаял и батогом* по рукам удиново** ударил, и Оксенко де от того ево, Ярофейкова, удару побежал под гору к плотам, и под горою де стал он, Оксенко, говорить тому Ярофейку, чтоб он дал земли, где тех пашенных черкас поселить на Киренге; и Ярофейко Хабаров ему, Оксенку, посадить тех ссыльных черкас на его заимке на Киренге не дал и то говорил, что де у него, Ярофейка, есть московский указ, что ему велено самому садить в пашню своих крестьян мимо воевод Василья Никитича Пушкина с товарищи, и в том де он, Ярофейко, не запретца и в Якутском остроге, и в том де у них шум и брань большая у Ярофейка с Оксенком была ж; и он де, Оксенко, для того с той Ярофейковы заимки вниз Леноу рекою на плотах и поплыл.

А промышленные же люди Якунка Дмитриеве Прелковых Колмогорец, Васька Евсеев, Ондрюшка Лукьянов Устюжана, Филка Орефьев, Олешка Семенов, Микитка Гаврилов, Ивашко Ермолин

* Батог — здесь может быть просто палка, толстый прут или хлыст, хворостина.

** Неразборчиво.

Важня в допросе сказали по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси крестному целованью: как де на Киренгу приплыл на плотах служилой человек Оксенко Пысолов и у Ярофейка Хабарова под государев семенной хлеб анбара просил на горе, и они де в те поры на горе не были, а были под горою у судна своего; и как де Ярофейко Оксенка Пысолова бил, того де они не видали; а как де з горы пришел Оксенко Пысолов под гору и им де, промышленным людям Якунке с товарищи, он, Оксенко, на того Ярофейко в непослушанье и в бою и в брани являл; и Ярофейко де, сшед з горы с работниками своими его, Оксенка, при них, промышленных людех, всякою бранью лял и посадить пашенных ссыльных черкас четырех человек ему, Оксенку, на своей заимке на Киренге не дал и сам говорил, что де у него, Ярофейка, есть московский указ, что ему велено самому на ту свою заимку садить своих крестьян; и Оксенко де Пысолов для того при них с Киренги реки вниз Леною рекою поплыл.

На о б о р о т е : Подписи допрошенных.

Там же, стб. 66, л. 128—129.

№ 11. ...* —Челобитная Ерофея Хабарова о разрешении выехать его семье из Устья Великого в Якутск

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю. Бьет челом холоп твой Ярко Хабаров. Жил я, холоп твой, в твоей царской отчине Сибирской уkraine на великой реке Лене с 140 году. И живучи я, холоп твой, на той великой реке Лене на пустом месте, где и русские люди мало бывали, завел соляную варницу и пашни многие роспахал и мельницы устроил и всякой домовой завод завел своим пожитчишком, а не твоею государевою казною. А ныне, государь, те места пустые стали. И та соляная варница и пашенный завод и мельницы и всякое домовое жительство ныне взяты у меня, холопа твоего, все на тебя, государя, а мне, холопу твоему, в тех заводах не учинено ничего. А ныне, государь, я, холоп твой, твоим царским счастьем и раденьем твоего, государева, воеводы Дмитрия Андреевича Францбекова в Пегой орде взял князца Лапкаева княжение. И живу я, холоп твой, на великой реке Лене лет з дватцать, а женишко, государь, моя Василиска з дочеришкою моею с Наташкою и со внуком и с племянницею живут на Устье без приюту.

* Документ, судя по содержанию, написан около 1650 г.

Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайлович [Т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, ту мою женишку Василиску и з дочеришкою моею с Наташкою и со внушиком и с племянником и с племянницею отпустить с Устюга ко мне, холопу твоему, в Якутской острог и подводки указать, чтоб, государь, та моя женишко и з детишками без меня, живучи на Устюге без приюту, вконец не погибла. Царь государь, смилуйся!

Там же, Сибирский приказ, стб. 383, л. 92.

№ 12. 1651 г. июля 27. — «Наказная память» Ерофею Хабарову из Якутской приказной избы о посылке посольства к князю Шамшакану

Лета 7159 июля в 27 день. По государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Руси указу память в новую Даурскую землю Якутского острога приказному человеку Ерофею Павловичу Хабарову.

В нынешнем, во 159 году посланы к тебе служилые люди Тренка Ермолин сын Чечигин, да Артюшка Филипов сын Петриловских, да с ними 26 человек (из тех служилых людей одному служилому человеку, Богдашке Забышеву, быть с тобою, Ерофеем, в подьячих до весны впредь 160 году, и весною выслать в Якутской острог) да воеводы Дмитрия Андреевича Францбекова человек Ерусланов, да дьяка Осипа Степанова человек Афонька Михайлов сын Частиков, да охочих служилых промышленных людей 107 человек, и всего их 137 человек, все с ружьями. А кто имяны служилых и охочих промышленных людей, и тому роспись под сею наказною памятью за дьячею приписью. И как к тебе сия память придет, и тебе б, Ерофею Павловичу, тех служилых людей Тренку Чечигина да Артюшку Филипова с товарищи, 27 человек, в рядовую службу, да охочих служилых людей 107 человек принять, да один служилой человек Богдашка Забышев. Да к тебе ж, Ерофею, послано для ратного бою 30 пуд зелья, да 30 пуд свищу, да стопа бумаги писчей. Да тебе же, Ерофею, послать в посланниках царю Шамшакану служилого человека Тренку Чечигина, а в товарищах воеводы Дмитрия Андреевича Францбекова человека Ананью Русланова, да в подьячих служилого человека Богдана Забышева. А как им говорить царю Шамшакану, и им дана память. Да им же дать служилых людей о человек, которых они, Тренка, и Ананья и Богдашка, с собою в посланники у тебя, Ерофея, учнут просить. И тебе б тех служилых

людей им дать, для того, чтоб которым людям ратное дело было за обычай. И в те поры, покаместа в посланниках Тренка с товарищи ездят или царь Шамиакан своих людей в пос.их к тебе, Ерофею, придет, и тебе, Ерофею, его, Шамиакановых, людей не воевать. А буде он, царь Шамиакан, под государевую царскую рукою быть не похочет и дань с себя брать не велит, и тебе б, Ерофею, по государеву указу над ним, царем Шамиаканом, поиск чинить, сколько милосердный бог помощи подаст. Да ему же, Ерофею, принять к себе в полк служилых людей, которые с Олекмы в прошлом, во 158 году с тобою в Даур сошли, Максимка Михайлова да Лучка Иванова.

Да ему же, Ерофею Павловичу Хабарову, в новой Даурской земле, которые служилые и охочие служилые же люди упромышляют по досугу промышленные мягкие рухляди соболей, и у тех людей с промысла имать государева 10 пошлина, от 9 соболей десятым лутчим сободем. Да те соболи записывать в книги имянно, да те десятинные соболи присылать в Якутской острог к воеводе Дмитрию Андреевичу Францбекову да к дьяку к Осипу Степанову за своею печатью. А которые будут служилые люди наперед тебя, Ерофея, поедут с промышленною рухлядью в Якутской острог, и тебе, Ерофею, о той мягкой рухляди писать к воеводе к Дмитрию Андреевичу Францбекову да к дьяку к Осипу Степанову.

О п у б л . : «Сын отечества», СПб., 1840, кн. 1, с. 125—126,

№ 13. 1652 г., не ранее августа 1*. — Из «отписки» приказного человека Ерофея Хабарова якутскому воеводе Д. А. Францбекову о походе по р. Амур

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси воеводе Дмитрию Андреевичу Францбекову да дьяку Осипу Стефановичу бьет челом холоп государев с великия реки Амура, с усть Зири реки, ис Кокориева улусу приказной человек Ерофейко Павлов Хабаров с служилыми и с вольными охочими людьми, с новоприборными доурскими служилыми людьми челом бьет <...>**.

И мы того же дни набежали на тот Гуйгударов город о закате солнца, в ленских стругах под тот Гуйгударов город. И тот

* Датируется по числу в опущенной части текста.

** Здесь и далее опущена часть «отписки», содержащая описание похода отряда Е. П. Хабарова из Албазина вниз по Амуру со 2 июня 1651г. Дальнейшие события относятся к 5—6 июня.

Гуйгудар князь, да с ним были 2 князя и богдоевы люди, улусные мужики все выехали против нас на берег, и нас не стали к берегу припущать <...>. И как те князья в город засели, а богдоевы люди с ними, з даурскими людьми, в города не засели и выехали на поле далече <...>.

И в кои поры у нас драка была, и те богдоевы люди по полю все ездили и бою нашего з дауры смотрели, а к нам, казакам, не стреляли. И мы у тех ясырей про тех богдоевых людей спрашивали: для чего де они, богдоевы люди, те приехали к вам, и много ли их, богдоевых людей? И тот ясырь сказал нам то: живут де у нас богдоевы люди по 50 человек беспрестани для ясаку и с товары до иных людей своих до перемены*. И мы у тех баб спрашивали: для чего де они с вами в городе не сидели и за вас они не приставали? И тот ясырь то рассказывает: даурские де люди наши князья Гуйгудар с товарищи взял их в город к себе на пособь, и они, богдоевые люди, то им сказали: «Гуйгудар! нам де царь наш Шамиакан не велел с русскими людьми драться».

И назавтрее тое драки те богдоевы люди послали к нам в город ис поля своего человека богдойского, и тот мужик пришел к нам в город к государскому величеству честно, и стал говорить своим языком китайски.ч. И у нас того языка не знаем, тех толмачей нет, лише переводом те даурские бабы сказывают, что де наш царь Шамиакан нам с вами драться не велел, наш царь Шамиакан велел нам с вами, с казаками, свидеться честно. А у того мужика богдойского платье на нем камчатое все, и на голове у него малахай соболей. А про иное у него, мужика богдойского, у нас ростолмачить некому, а тот мужик говорил с нами долго. И яз, Ярофейко, тому богдойскому мужику честь воздал, и подарки государевы давал, и отпустил ево, богдойскова мужика, честно в свою Богдойскую землю <...>**.

И марта в 24 день*** на утреней зоре сверх Амура реки славные ударила сила и ис прикрыта на город Ачанской, на нас, казаков, сила богдойская, все люди конные и куячные. И наш казачей ясаул закричал в городе, Андрей Иванов служилой чело-

* Утверждение пленных о длительном пребывании маньчжуров в Гуйгударовом городке не подтверждается другими русскими и маньчжуро-китайскими источниками. Его следует рассматривать как дипломатическую уловку, с помощью которой отдельные местные феодалы пытались уклониться от уплаты ясака.

** Опущено описание дальнейшего похода по Амуру и зивовки в Ачанском городке.

*** 1652 г.

век: «Братцы казаки! Ставайте наскоре и оболакайтесь в куяки крепкие!» И метались казаки на город в единых рубашках, на стену городовую. И мы, казаки, чаяли, ис пушек из оружия бьют казаки из города, ажно бьет из оружия и ис пушек по нашему городу казачью войско богдойское. И мы, казаки, с ними з богдойскими людьми, войском их, дрались из-за стены з зори и до сход солнца. И то войско богдойское на юрты казачьи пометались, и не дадут нам, казакам, в те поры протти через город. А богдойские люди знаменами стену городовую укрывали нашего.

И у того нашего города вырубиле они, богдойские люди, з звена стены сверху до земли. И ис того их великого войско богдойское кличет князь Исинея царя богдойского и все войско богдойское: «Не жгите и не рубите казаков, емлите их, казаков, живьем!» И толмачи наши те речи князя Осеня услышали, и мне, Ярофейку, сказали. И услыша те речи у князя Осеня, и оболакали мы, казаки, все на ся куяки. И яз, Ярофейко, и служилые люди и вольные казаки помолились Спасу и пречистой владычице нашей богородицы и угоднику христову Николе чудотворцу и промеж собою прощались. И говорили то слово яз, Ярофейко, и ясаул Андрей Иванов, и все наше войско казачье: «Умрем мы, братцы казаки, за веру крещеную, и постоим за дом Спаса и пречистыя и Николы чудотворца, и порадеем мы, казаки, государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси, и помрем мы, казаки, все за один человек против государева недруга, а живы мы, казаки, в руки им, богдойским людем, мы, казаки, не дадимся!»

И в те стены проломные стали скакать те люди богдоевы, и мы, казаки, прикатили тут на городовое проломное место пушку большую медную, и почали ис пушки по богдойскому войску бити, и из мелково оружия учили стрелять из города, и из-ыных пушек железных бити ж стали по них, богдойских людях. Тут их, богдойских людей, и силу их всю божиею милостию и государским счастьем и нашим радением их, собак, побили многих. И как они, богдои, от того нашего пушечного бою и от пролому отишались прочь, и в та поры выходили служилые и вольные охочие казаки 156 человек в куяках на выласку богдойским людем за город, а 50 человек осталось в городе. И как мы к ним, богдоем, на выласку вышли из города, и у них, богдоев, тут под городом при ведены были 2 пушки железные. И божиею милостию и государским счастьем те 2 пушки мы, казаки, у них, богдойских людей, и у войскога отишбли. И у которых у них, богдойских людей, у дутчих витинов, огненно оружие было, и тех людей мы побили и оружие у них взяли.

А которые на выласке казаки 156 человек, и радеючи госуда-

рю и помня крестное целованье, не щадя лица своего, против государевых недругов и дралися с ними, богдойскими людьми, мы, казаки, саблями. И божеею милостию, и государским счастьем, и радением и промыслом твоим, Дмитрий Андреевич да Осип Стефанович, и мы, казаки, тех богдойских людей на выласке многих побили. И нападе на них, богдоев, страх великий божий, и милостию Спаса и пречистые владицицы богородицы и святого угодника христового Николы чудотворца, и покажися им сила наша несчетная, и все достальные богдоевы люди прочь от города и от нашего боя побежались врознь. И мы, казаки, у них, богдоев, языков переимали. Да у них же, богдоев, отбили мы, казаки, 830 лошадей с запасы хлебными. Да у них же, богдоев, отбили 17 пицалей сторострельных, а те их пицали по 3 ствола и по 4 ствола вместе, а замков у тех скорострельных пицалей нет. Да у них же отбили 2 пушки железные да 8 знамен богдойских.

И тех языков яз, Ярофейко, роспрашивал накрепко. И те языки в распросе мялися. И стал говорить язык царя богдойского служилой человек Нюлгуцкого города, именем Кабышейка <...>.

И распрося тех языков, круг того Ачанского города смекали, что побито богдоевых людей и силы их 676 человек наповал. А нашии силы казачьи от них легло, от богдоев, 10 человек — служилых двое да вольных казаков 8 человек. Да переранили нас, казаков, на той драке 78 человек, а те от ран оздоровили. И кого убили у нас, казаков, и кого переранили, тому роспись под сею отпискою <...>*

Опубл.; Русско-китайские отношения в XVII веке, т. 1. М., 1961, с. 134—138; Русская тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979, с. 94—99.

№ 14. 1655 г. июня 5. — Челобитная Ерофея Хабарова о поверстании его на службу и о выдаче ему жалованья за прежние ленские и даурские службы (под челобитной приложена роспись его службам)

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу [т.] бьет челом холоп твой Ерофейко Павлов сын Хабаров. В прошлых, государь, годех для прежних государей и для твоей государеве

* Опущено описание похода отряда Е, П, Хабарова вверх по р. Амур с 22 апреля по 15 июня и встречи его с отрядом Т. Е. Чегигина и т. д.

прибыли проведат я, холоп твой, на великой реке на Лене соляные промыслы и пашни. А проведат, государь, пашни и варницы устроил, и по государеве грамоте за подъем тое службе воеводе Василию Пушкину велено было дать мне из государевы казны пятьсот Рублев. Да воевода Петр Петрович про твой государев обиход взял у меня хлеба ржи на три тысячи рублев. Да для твоей же государеве прибыли проведат и взял я, холоп твой, с вольными людьми новую Даурскую землю и аманатов поимал, с которых и ныне ясак збирают и к тебе, государю, ежегод привозят. А ратным, государь, людем на корм и на платье и на обувь на три годы всем деньги свои давал, а за то я, холоп твой, ничем не пожалован и по прежней государеве грамоте за подъем и за хлеб деньги мне не даны ис твоей государев казны и по се время. А ныне я, холоп твой, на Москве от Дмитрия Зиновьева изувечен и меж двор скитаюся и за бедностью голодом помирано.

Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович [т.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, за мои службишка поверстат, в какой чин я, холоп твой, пригожуся; и службам моим под сею челобитною роспись; и за подъем по прежней государеве грамоте и за хлеб вели, государь, из своей государеве казны денег дать, что ты, государь, укажешь, чтоб мне, бедному и изувеченному, за бедностью ныне на Москве голодом не помереть и вконец не погинуть. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: 163 год, июня в 5-й день. Государь пожаловал, велел службы его выписать.

Роспись службам Ерофейка Павлова, на которые ходил своими животами

В прошлом, государь, во 157 г. из Ылимского острогу воевода Дмитрий Фрянцбеков да дьяк Осип Степанов отпустили меня проведать новую Даурскую землю. И я на три годы поднял своими животами с собою семьдесят человек без государева жалованья, и тот подъем стал мне полчетверты тысячи рублев. И с теми людьми пришед в Даурскую землю, засели в Лавкаев городок, и в том городке оставя тех людей, пришел в Ленской острог.

И во 158 году вольных людей прибрал я сто семнадцать человек, да из Якуцкого острогу воевода да дьяк отпустили со мною в ту Даурскую землю двадцати одного человека. И тех я людей на три годы подымал своими же деньгами, и тот мне подъем для государевы службы стал в четыре тысячи рублев.

Да в прошлом же во 159 году я же, Ярофейко, посылал племянника своего Артюшку да служивого человека Третьяка Чечиги-

на в Ленской острог к воеводе Дмитрею Фрянцбекову да к дьяку к Иоситу Степанову бить челом о людях, чтоб прислали людей, потому что вниз плыть было не с кем. И в ту пору без них поплыли своим людьми вниз и с теми своими войскими людьми взял дракою два городка, Гойзударов да Толгин, и в Толгине городке взяли аманатов и [к] шертованию привели. И от тех городков плыл вниз реки с войском и пришел в Отианский улуз, и тот я улус своими людьми за боем взял и городок поставил. И ко мне под тот городок приходили богдойского царя воинские люди и к городку приступали с великою лютостью; и божию милостию и царским счастьем в городке отсиделся, и меня в то время на приступе ранили, да двух служилых убили, да вольных восемь человек убили, да семьдесят человек ранили, а их, богдойских людей, многих побили да три пушечки и пищали у них мелкие поимали, а в пищали в одной сваривано ствола по три да по четыре.

А что в той новой Даурской земли и в Зюзерской* и у наток и у гиляков в землях на государя ясаку собрано, и тот ясак привезен ко государю к Москве. А тех земель моего взятья аманаты от меня в тех землях и остались под государевою высокою рукою, и впредь с них на государя ясак ежегод пойдет.

А которые аманаты были привожены ко государю к Москве, и те аманаты моего же взятья. А что с теми аманаты привожены были две женки, и те женки у меня были купленые, а дано за них сто восемьдесят рублей, да с ними живота моего было всякой мяжкой рухляди и платья иноземского на триста рублей. И обоєво жыво-та и за женку дано 480 рублей.

А для тех государевых служб в Якуцком остроге имал я из государевы казны ружье, пищали, зелье и свинец и лятчины. А сколько государевы казны было взято, и тому всему в Якуцком остроге в съезжей избе долговая ростись. А то все ружье, и свинец, и зелье, и лятчины осталось в Даурской земле.

Да преж тое службе при воеводе при Микифоре Веревкине подавал ему челобитную в Енисейском остроге, что для государевы прибыли проведать на великой на Лене реке, каков хлеб родитца и какова соль и варничное строение.

И с отпуску проведал я: на Усть-Куты соль и пашни есть, и я тут соляной промысел и пашни устроил и в Енисейский острог к воеводе соляной опыт послал. Да в другом месте, на Вилюе реке, проведал я соль-самосадку.

И по государеву указу и по грамоте для той моей службе воеводе Василию Микитичю Пушкину велено было из государевы каз-

* Зюзерской — т. е. дючерской.

ны дать мне ево, государева, жалованья пятьсот рублей. И то государево жалованье не дано мне и по се время.

А государю от тех соляных промыслов и от пашни ежегод почала быть прибыль великая, потому что хлеб и соль пошли во все тамошние города не оскудно. Да у меня ж, Ерофейка, воевода Петр Петрович Головин на государев обиход взял три тысячи пудов хлеба ржи, а в торгу купили в то время по рублю и больше пуд, и того три тысячи рублей.

И те деньги мне не даны и по се время.

Там же, Сибирский приказ, стб. 344, л. 77—80.

№ 15. 1660 г. июля 4. — Челобитная Ерофея Хабарова, поданная якутскому воеводе, с просьбой отпустить его в Илимский острог для сбора поручной записи

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу [г.] бьет челом холоп твой Илимского острогу сынчишко боярской Ярофейко Павлов сын Хабаров. В нынешнем во 168 году по твоему, великого государя, указу взято у меня, холопа твоего, в твою, великого государя, казну в Чичуйском уезде мельница колесная да в Якуцком остроге мяхкие рухледи два сорока дватцать соборлей с хвосты олекминского закаменного промыслу за отпуск, как я послан на твою, великого государя, службу в Дауры, за подъем за твои, великого государя, товары и за ссуду: и за судовые снасти, и за холсты, и за сукна, и за книги печатные, и за пушки — за четыре тысячи за восемьсот за пятьдесят за семь рублей за два алтына, что я, холоп твой, отпущен на службу с служилыми людьми и с охочими прибранными. А ныне мне, холопу твоему, в том даурском подъеме в твоей, великого государя, казне окупитца вскоре нечем.

Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович [г.], пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, для поруки твоей, великого государя, казне отпустить из Якуцкого острогу в Ылимский острог, чтоб, государь, порука собрать в Ылимском остроге.

Царь государь, смилуйся!

На обороте подпись: К сей челобитной Ярофейко Хабаров руку приложил.

Помета: 168 году, июля 4 день. Отписать на Илим, чтоб по нем собрать сыну боярскому Федору Пуцину порушная. На Илим о том отписать, что велел собрать порушная запись, что он, Ярко, для порушной записи отпущен за приставом.

№ 16. 1660 г. июля 27. — «Память» якутского воеводы Ивана Федоровича Большого Голенищева-Кутузова сыну боярскому Федору Пущину о направлении к нему с сыном боярским Воином Якуниным сына боярского Ярофея Хабарова

Лета 7168 год, июля в 27-й день. По указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [г.] память сыну боярскому Федору Пущину.

Послано к тебе с сыном боярским с Воином Якуниным сына боярского Ярка Хабарова два сорока дватцать восемь соболей с хвосты. И как тебе ся память придет, и тебе бы, Федору, будет Ярко Хабаров даст тысячи пуд ржи, и тебе бы, Федору, взять у Воина те Ярквы соболи и отдать ему. Ярку, а будет он, Ярко, тысячи пуд на великого государя казну не даст, и тебе, Федору, соболей не имать, потому что те соболи ему, Воину, в Енисейском остроге велено продать, и проезжая у него. Ярка, те соболи взять и отдать ему, Воину Якунину. И о том для ведома отписать стольнику и воеводе Ивану Федоровичу Большому Голенищеву-Кутузову.

№ 17. 1660 г. июля 27. — «Отписка» якутского воеводы Голенищева-Кутузова илимскому воеводе П. А. Бунакову о направлении к нему с сыном боярским Федором Пущиным сына боярского Ярофея Хабарова для сбора поручных записей в государевых деньгах

Господину Петру Ондревичю Голенищев Большой Кутузов челом бьет. В нынешнем, господине, во 168-м году, июля в 4-й день, бил челом великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу [г.], а мне, господине, в Якуцком остроге в съезжей избе подал челобитную сын боярский Ярофей Хабаров. [Далее идет изложение его челобитной.]

И в нынешнем, господине, во 168 году по ево челобитью для поручной записи отпущен он, Ярофей, в Ылымский острог за приставом с сыном боярским с Федором Пущиным.

И как, господине, сын боярский Федор Пуцин с сыном боярским с Ярафеем Хабаровым будут в Ылымском остроге, и тебе б, господине, велеть в Ылимском остроге по нем, Ярафее, сыну боярскому Федору Пущину в тех государевых деньгах собрать поручная запись. А будет, господине, по нем, Ярафее, поруки не будет,

и тебе б, господине, тово Ярофея отдать сыну боярскому Федору Пущину. А Федору Пущину ево, Ярофея, велено до указу великого государя держать на Чичюйском волоку за приставом. И о том, господине, ко мне для ведома отписать.

№ 18. 1660 г. июля 27. — «Отписка» якутского воеводы Голенищева-Кутузова в Сибирский приказ с сообщением об отправлении в Илимский острог сына боярского Ярофея Хабарова за приставом* с сыном боярским Федором Пущинным для сбора поручных записей

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу [т.] холоп твой Ивашко Большой Голенищев-Кутузов челом бьет. Довелось, великий государь, Якутского острогу по приходным денежным книгам нынешнего, 168 году за рукою твоего, великий государь, стольника и воеводы Михаила Лодыженского, каковы книги я, холоп твой, принял у него, Михаила, издоимки взяти на ишимском сыне боярском на Ярке Хабарове, который был в Даурех для приводу под твою, великий государь, царскую высокую руку новых земель, по Дмитриевым кабалам Францбекова и по иным крепостям и по отпускам четыре тысячи восемьсот пятьдесят семь Рублев два алтына. И я, холоп твой, в те твои, великий государь, деньги взял у него, Ярка, в деревне в Чичюйском уезде мельницу за триста за тридцать рублей.

И в нынешнем, великий государь, во 168 году июля в 4-й день бил челом тебе, великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу [т.], а мне, холопу твоему, в Якутском остроге он, Ярко, подал челобитную. [Д а л е е и д е т и з л о ж е н и е е г о ч е л о б и т н о й.]

И в нынешнем, великий государь, во 168 году, по ево, Яркову, челобитью для поручной записи, чтоб ему дать твои, великого государя, достальные деньги за четыре тысячи за пятьсот за дватцать за семь рублей за два алтына, платить в твою, великого государя, казну погодно хлебом, отпустил я, холоп твой, ево Ярко, в Ылимской острог за приставом с сыном боярским с Федором Пущинным, и о том, великий государь, я, холоп, писал в Ылимской острог стряпчему и воеводе Петру Бунакову. Как сын боярской Федор Пущин с Ярком Хабаровым будут в Ылимском остроге, и ему б, великий государь, Петру, велеть в Ылимском ост-

* *Пристав* — должностное лицо, приставленное к чему-нибудь, в данном случае надзиратель.

роге по нем, Ярке, сыну боярскому Федору Пуцину о тех твоих, великого государя, деньгах собрать поручная запись. А будет, великой государь, по нем, Ярке, поруки не будет, и ему, Петру Бунакову, того Ярка отдать сыну боярскому Федору Пуцину, а Федору Пуцину ево, Ярка, велено, великий государь, выслать в Якутцкой за приставом.

Там же, Якутская приказная изба, оп. 1, стб. 191, л. 81—84, 86.

№ 19. 1667 г. ноября 15. — Челобитная Ерофея Хабарова, поданная тобольскому воеводе П. И. Годунову, с просьбой разрешить ему вновь отправиться на р. Амур

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу, великия и малыя и белыя Росии самодержцу и государю, благоверному царевичу и великому князю. Алексею Алексеичу, вся великия и малыя и белыя Росии, царевичу благоверному Федору Алексеичу, вся великия и белыя Росии государю... благоверному царевичу и великому князю Иоанну Алексеичу, вся великия и малыя и белыя Росии, бьет челом холоп ваш Илимского острогу сынчишко боярской Ярко Хабаров. В прошлых, великие государи, годах с великие реки Лены воевода Дмитрий Франзбеков по моему, холопа вашего, челобитью отпустил меня на вашу великого государя службу в Даурскую землю, и я, холоп ваш, в Даурскую землю вново подымался я всяким служилым заводом на своих проторех и поднял с собою вольных охочих людей войско я своим всяким служилым подъемом и Даурскую землю проведаль и до моря и ясак в тое землице на вас, великих государей, собирал собольми и лисицами по многие лета, и тот ясак, соболи и лисицы, с служилыми людьми к вам, великим государям, к Москве высылал и сам вывозил в прошлых же, государь, годах после моего... [не разобрано три слова. — Б. П.] Те даурские моего постановления остроги богдойские люди разорили и служилых прибили, и ныне та землица стала пуста. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович, вся великия и малыя и белыя Росии самодержец и государь, благоверной царевич и великий князь Алексей Алексеич, вся великия и малыя и белыя Росии, государь благоверный царевич и великий князь Федор Алексеич, вся великия и малыя и белыя Росии, и государь благоверной царевич и великий князь Симеон Алексеич, вся великия и малыя и белыя Росии, и государь благоверной царевич и великий князь Иоанн Алексеич,

*вся великия и малыя и белыя Росии, пожалуйте, великие госуда-
ри, меня, холопа своего, велите, государь, меня в тою Даурскую
землю отпустить для городовоу и острожных поставок и для посе-
ления и хлебных пахот, а я, холоп ваш, для тою вашей государевой
службы и прибыли подыму на своих проторех сто человек и на
своих судах и хлебными запасами; с тех мест, где поставитца го-
род и остроги, будет вам, великим государям, в ясачном сборе
и хлебной пахоте прибыль, и велите, государь, в Тобольском городе
своему государеву стольнику и воеводе Петру Ивановичу Годуно-
ву с товарищи сию мою челобитную принять и подпискою к вам,
великия государи, послать к Москве. Царь государь и государевы
благодарные царевичи, смилуйтесь.*

О публ.: Полевой Б. П. Последняя поездка Ярофея Хаба-
рова в Москву. — «Дальний Восток», 1982, № 8, с. 141—142.

II. КАК БЫЛ НАЙДЕН АЧАНСКИЙ ГОРОД

Е. П. ХАБАРОВА

С 1855 г. предпринимаются попытки определить местоположение Ачанского города, построенного русскими землепроходцами в 1651 г. Назывались различные районы, где он мог находиться: на правом берегу Амура выше устья Уссури (Р. К. Маак, 1859); на левом берегу ниже Уссури (Л. И. Шренк, 1883); на правобережном амурском мысе Джаори, выше рабочего поселка Троицкого (Н. И. Рябов и М. Г. Штейн, 1946—1949); выше мыса Джаори на полпути к Хабаровску (Б. О. Долгих, 1956); в районе мыса Тыр на правом берегу Амура, против устья р. Амгуни (А. И. Алексеев, 1969).

Ближе всех к истине, как оказалось, был кандидат исторических наук Б. П. Полевой, писавший, что «Ачанский острожек явно стоял где-то у горы Оджал»*.

В 1969—1982 гг. поиски Ачанского города проводил Приамурский (Хабаровский) филиал Географического общества СССР совместно с другими организациями.

По инициативе академика А. П. Окладникова в 1978—1979 гг. в поисках и раскопках Ачанского города принял участие археологический отряд Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Предложение о продлении Ачанской экспедиции в 1982 г. поддержал член-корреспондент АН СССР А. П. Деревянко.

«Отписка» самого Е. П. Хабарова давала основание полагать, что острог стоял на левом берегу Амура, ниже Хабаровска.

7(17) сентября 1651 г. отряд Е. П. Хабарова начал спускаться от Толгина городка вниз по реке в поисках благоприятного места для зимовки. Около 15(25) сентября служилые люди и «вольные казаки» достигли устья Сунгари. Потом им пришлось резко ускорить плавание: левобережье реки оказалось низменным и заболо-

* См.: По л е в о й Б. П. О местонахождении Ачанского городка. — «Советская археология», 1960, № 3, с. 328—333.

ченным, а высадиться на правый, гористый берег они не решались. Незамеченной осталась Амурская протока, куда впадает Уссури. Миновав без остановок устья не только малых рек, но и Тунгуски и Анюя, землепроходцы впервые за полмесяца плавания увидели на левобережье крутую гору, чуть ниже которой на утесе располагалось большое селение.

«...И сентября в 29 день (9 октября) наплыли улус на левой стороне, — писал Е. П. Хабаров, — улус велик, и яз, приказной Ярофейко, и служилые и вольные казаки посоветовали, и в том улусе усоветовали зимовать...»*. Отряд решил остановиться здесь, потому что почти сразу же за улусом снова пошла вниз болотистая долина, а в ближайшей протоке можно было укрыть дощаники.

В процессе поисковых поездок и, конечно, анализа крупномасштабных карт и гидрологических материалов нами было проведено тщательное изучение в натуре левобережья Амура и прилегающих протоков, в том числе протоки Син, соединяющей озеро Болонь с Амуром. В 1972 г. ниже утеса Серебряного (нынешнее название горы Оджал), у одноименной левобережной амурской протоки были обнаружены земляные валы и рвы, некогда окружавшие старинную крепость. В последующие годы поисковые работы продолжались в двух направлениях:

а) несколько раз обследовались берега протока, межпроточные релки и амурские острова, и в итоге разведки было признано, что Ачанский город в этих местах стоять не мог;

б) на месте остатков крепости в 1972, 1973, 1978, частично в 1979 и окончательно в 1982 г. совместно с Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР (с 1978 г.) проводились археологические раскопки.

Было установлено, что самый низ многослойного культурного массива занят остатками древнего поселения тунгусов или их предшественников. Очевидно, где-то 1000—1200 лет тому назад на месте селения поднялась крепость эпохи средневековья. Позднее в ней обосновались предки нанайцев, которых Е. П. Хабаров называл ачанами. Четвертый слой, самый верхний и трудноразличимый, явно относится к середине XVII века, времени вхождения земель Нижнего Амура в состав Русского государства.

Раскопки 1982 г. дали нам возможность заключить: Ачанский город Е. П. Хабарова находился именно здесь, в Амурском районе Хабаровского края, на высоком мысе Кадачан, вблизи озера Болонь и селения Ачан.

* Здесь и далее цит. по кн.: Дополнения к актам историческим, т. 3, СПб., 1848, с. 364 и след.

Землепроходцы на месте центральной части старой крепости возвели свое укрепление, известное по маньчжуро-китайским источникам как «деревянный город». Очевидно, он строился по типу тех острогов, которые возводились на великом пути русского народа от Уральского хребта до Тихого океана. Следы сторожевой башни Ачанского города были обнаружены в 1982 г. В соответствии с требованиями русского военного искусства XVII в. создавалась и внешняя оборонительная линия. Используя старые, оплывшие сооружения, соратники Е. П. Хабарова обвели крепость глубоким рвом, за которым возвышался земляной вал.

Дважды Ачанский город подвергался нападению. Первый раз, когда соратники Хабарова еще, как говорится, устраивались на месте, им пришлось выдержать двухчасовой бой с отрядами некоторых дючерских князцов, не принявших еще русского подданства. 24 марта (2 апреля) 1652 г. Ачанский город подвергся нападению более чем двухтысячного цинского войска. По показаниям военнопленного китайца, обстоятельства, предшествовавшие маньчжурской агрессии, складывались так.

О движении русских по Амуру цинские соглядатаи с устья р. Сунгари сообщали в Нюлгуцкий город (Нингута, крайний северный военный маньчжурский пост, современный Ниньань), отдаленный от русских владений в Приамурье более чем тысячекилометровым пространством. Оттуда донесение последовало дальше, к «посаженнику царя богдойского» (цинского императора). Со временем в Нингуту пришел приказ: «собрать войско великое и велел итти па вас, казаков, велел иных побити, а иных велел живых казаков взяти и к себе поставити в земле с оружием вашим казачьим».

Чтобы не медлить с нападением и обеспечить его успех, цинские власти на каждых двух воинов выделили по три коня. О том, как далеко отстояла Нингута от Ачана, можно судить по тому факту, что даже при этом условии продвижение маньчжурской конницы к русскому острогу на Амуре заняло три месяца. Командовал цинскими вооруженными силами военачальник Хайсэ.

Нападение цинского войска на Ачанский город, гарнизон которого уступал маньчжурам в численности десятикратно, произошло внезапно. Сражение длилось «з зори и до сход солнца» и закончилось полной победой русского оружия. Противник оставил на месте схватки 676 трупов и богатые трофеи: восемь знамен, две железные пушки, 17 пищалей скорострельных и другое оружие, хлебные запасы, 830 лошадей.

Покидая острог победителями, землепроходцы забрали с поля боя все (особенно изделия из металла), что имело какую-либо ценность. Остальное подбирали в течение многих лет местное насе-

ление. Старожилы Ачана рассказывали нам, как они в далеком детстве играли ядрами, металлическими пластинками от куяков (лат), видели остатки щитов, сабель, копий. Один из наконечников цинского копья археологи привезли с собой, другой, находящийся в школе, сфотографировали.

Материальные следы пребывания русских землепроходцев на мысе Кадачан, выявленные археологами, не очень многочисленны, но достаточно убедительны. Это колечки кольчуг, обломки лат, оружейный кремьень, кресало и кремьень к нему, еще кремни для выбивания искр, кованый крючок для ловли крупной рыбы. И, наконец, предметы русской культуры XVII века: фрагменты станковой керамики, осколки сосудов со следами глазури, литая ручка металлического сосуда, остатки украшений. Подобраны каменные и железные наконечники стрел и даже точило для их заточки, предположительно наконечник дротика, поясные бляшки — знаки отличия неожиданных пришельцев с далекой Сунгари.

Эпоха великих русских географических открытий оставила на советском Дальнем Востоке свои исторические памятники. Некоторые из них связаны с походами Ерофея Павловича Хабарова: Албазин на Верхнем Амуре и Ачан на Нижнем.

«...В 1649—1652 гг. совершилось присоединение Приамурья к русским владениям», — читаем в фундаментальном труде «Международные отношения на Дальнем Востоке» (кн. 1, М., 1973, с. 17), И этот знаменательный период неотделим от смелых предприятий Е. П. Хабарова:

1649 г. — начало походов Ерофея Павловича на Амур;

1652 г. — ачанская победа, известившая народы Восточной Азии о том, что на Амуре поднялись и стоят нерушимо русские города.

А. СТЕПАНОВ,
действительный член
Географического общества СССР.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969.

Белов М. И. Мангазея. Л., 1969.

Белов М. И. Ерофей Хабаров в Мангазее и на Таймыре. — «Летопись Севера», вып. VII. М., 1975.

Мелихов Г. В. О северной границе вотчинных владений маньчжурских (цинских) феодалов в период завоевания империи Китая (40—80-е годы XVII в.). — В кн.: Документы опровергают: Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982, с. 18—70.

Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974.

Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980.

Полевой Б. П. О местонахождении Ачанского городка. — «Советская археология», 1960, № 3, с. 328—333.

Полевой Б. П. Дючерская проблема (по данным русских документов XVII в.) — «Советская этнография», 1979, № 3, с. 47—58.

Полевой Б. П. Последняя поездка Ярофея Хабарова в Москву. — «Дальний Восток», 1982, № 8, с. 140—142.

Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы, т. I. М., 1969.

Сафронов Ф. Г. Ерофей Хабаров — зачинатель земледелия на Лене. — «Ученые записки Якутского государственного педагогического института», вып. IV. Якутск, 1955.

Сафронов Ф. Г. Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск, 1956.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

П р е д и с л о в и е	5
Родина Ерофея Хабарова	9
Первая поездка в «Закаменную страну» . .	17
Ленский житель.....	24
Открытие Даурии и проведывание путей на Амур	37
Первый поход на Амур.....	44
Второй поход на Амур.....	49
В Москве.....	66
Снова на Лене.....	70
Последняя попытка вернуться в Приамурье . .	73
Заключение.....	82
П р и л о ж е н и е	86
Архивные документы, содержащие сведения о Е. П. Хабарове.....	86
А. А. С т е п а н о в . Как был найден Ачанский город Е. П. Хабарова.....	107
Краткая библиография.....	111

Федот Григорьевич Сафронов ЕРОФЕЙ ХАБАРОВ

Редактор В. Ф. К о в т у н. Художественный редактор А. В. Колесов. Технические редакторы Н. Б. Хохлова, Т. А. Костюченко. Корректор Т. В. Киевская. ИБ № 1033. Сдано в набор 15.04.83. Подписано к печати 19.05.83. ВЛ 02212. Формат 70x108¹/₃₂. Бумага писчая. Гарнитура литературная. Печать высокая, 4,9 усл. печ. л., 5,21 усл. кр.-отт. 5,31 уч.-изд. л. Тираж 30 000 экз. Заказ 3085. Цена 20 коп. Хабаровское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 680620, г.Хабаровск, ул. Серышева, 31. Типография № 1 краевого управления издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

«...Нет, не основывал Хабаровск русский крестьянин-землепроходец Ерофей Павлович Хабаров, но город и край носят его имя.

...Это благодаря его инициативе, труду, мужеству и настойчивости обширное и богатое Приамурье вошло в состав Русского государства еще в середине XVII века, а в долине Верхней Лены были подняты первые десятины целины и построены первые соляные варницы.

...И когда в мае 1858 года солдаты 13-го Восточносибирского батальона во главе с капитаном Я. В. Дьяченко заложили на берегу Амура военный пост, они назвали его Хабаровкой».

Ф. Г. САФРОНОВ,
заслуженный деятель науки ЯАССР,
заслуженный деятель науки РСФСР.

ХАБАРОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

